

МАКСИМ ЛАПШИН

ОТКРЫТАЯ ПОЗИЦИЯ

роман с картинками

16+

Максим Лапшин

**Открытая позиция.
Роман с картинками**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лапшин М.

Открытая позиция. Роман с картинками / М. Лапшин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Октябрь 2008 года. Разгар мирового экономического кризиса. На фоне глобальных потрясений разворачивается история четверых людей, у каждого из которых — своя непростая задача.

© Лапшин М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть первая. Игра на повышение	5
1	5
2	14
3	22
4	34
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Часть первая. Игра на повышение

1

У бариста была неважная память на лица, но регулярных посетителей кафе – а их было порядка трехсот – за четыре месяца работы он выучил досконально. Запоминать кроме лиц было, собственно, нечего: все носили однотипные темные костюмы со светлыми рубашками и галстуками неброских цветов – униформу лондонского Сити. Кто-то сутулился, кто-то был по-спортивному строен, у кого-то на пальце могильно блистала золотая печатка с овальным черным камнем, но все, что располагалось ниже подбородков, словно сошло с одного и того же конвейера. На взгляд бариста, эта людская масса напоминала армию новобранцев, которой не выдали оружие и знаки различия.

Многих он знал по именам, но не показывал вида, зная нелюбовь англичан к фамильярности. Сам он был родом из небольшого городка на юго-западе Венгрии. После окончания Будапештского университета проработал два года учителем географии в школе и приехал в Лондон, чтобы, во-первых, как следует выучить английский, а во-вторых, никогда не возвращаться обратно. В мечтах он видел себя студентом лондонского Королевского колледжа, а затем дизайнером с собственной студией в «Оксо Тауэр». За неимением средств на учебу приходилось пока варить кофе и отсчитывать сдачу в заведении на Фенчерч-стрит.

Больше всего посетителей появлялось в обеденное время. В час дня у новобранцев в однотипных костюмах начинался ланч, и они, спустившись со своих офисных этажей, выходили на улицу и отправлялись в кафе, где улыбчивый бариста с крашеными волосами выдавал им бумажные стаканчики с пластиковыми крышечками, а в них – капучино, латте, американо – кто что пожелает. Кофе ароматно дымил сквозь щель в крышечке, бариста многоруко суетился посреди своей шипящей и звякающей машинерии, а входная дверь, отворяясь, впускала в кафе звуки улицы.

У бариста было хобби. Тайком он рисовал портреты посетителей. Когда народ шел непрерывным потоком, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы достать из-под прилавка грифель с планшетом и, устроившись на высоком табурете, заняться рисованием: он и его напарница, худенькая индианка Зита, едва успевали обслуживать клиентов. В такие моменты бариста вновь приходила на ум военная аналогия. Выстроившиеся гуськом к прилавку посетители напоминали ему ленту с патронами, а бар – безотказно щелкающий кассовым аппаратом пулемет. Зита спускала курок, бариста шустрым бойком летел к кофеварке, в кошельке посетителя воспламенялся заряд. Получив порцию кофе, гильза в иссиня-черном пиджаке сверкала вежливым оскалом и отскакивала к столику или дальше, к дверям заведения. По утрам стреляли короткими очередями, в обед длинными. В промежутке между завтраком и ланчем звучали одиночные выстрелы.

В третьем часу, навоевавшись, бариста усаживался на высокий табурет, с которого был виден весь зал, клал на колени планшет и зарисовывал профиль или анфас клерка, одиноко жующего за столиком бутерброд с куриным филе. Рисунки получались неплохие, но самому рисовальщику они не нравились. Все выходило слишком достоверно, почти банально.

В четыре часа, закрыв входную дверь – вечерних посетителей в Сити не было – умывая кофейную машину, прилавок и руки, бариста настойчиво размышлял о недостатках своего стиля. Конечно, работа сгодилась бы для портфолио, и Зита одобрительно кивала, глядя на законченные портреты, но сам-то он чувствовал, что месит допотопную глину, тревожит прах классической школы рисования, звенит полустертой подковой о старинную мостовую.

Ему хотелось быть современным, делать стильные вещи, такие как Миллениум-бридж, Дом-Огурец, Лондонский Глаз...

Как-то в обед у бариста не на шутку разыгралось воображение. Прорабатывая затяжную очередь и отстрелив очередной черно-синий патрон, он увидел перед собой знакомое лицо – трейдера по имени Артур, чей белый лоб и вислые щеки всегда производили впечатление крайнего нездоровья. В этот раз на лбу Артура сиял алый прыщ гигантских размеров. В руке Артур держал бутерброд с тунцом в пластиковой упаковке. Он заказал капучино с корицей и задумчиво потер пальцем лоб возле прыща. Зита пробежала пальцами по кнопкам кассового аппарата, бариста метнулся к кофейному агрегату.

Стоя спиной к очереди, он вновь представил себе гипсовое лицо Артура. Воображение зажгло над бровями трейдера ярко-красный фонарь. Вот сейчас Зита нажмет на курок с надписью «Итог», фонарь тревожно замигает, выдвинется из белого лба и лопнет, забрызгивая кровью и гнойными ошметками длинный прилавок, бутерброд с тунцом, плоскую грудь Зиты и спину стоящего у кофемашины бариста. А сам Артур как ни в чем не бывало возьмет стакан капучино, сорвет пластиковую крышечку и пойдет вдоль обомлевшей очереди к дверям, на ходу заливая кофейную жидкость в образовавшуюся во лбу дыру.

Зита нажала. Ничего, разумеется, не произошло. Звякнули монеты, которые Артур выложил на прилавок, в очереди сухо кашлянули.

Бариста поставил на стойку стакан с капучино и, чувствуя, что им движет какая-то неведомая сила, бросился к своему планшету. Не обращая внимания на изумленную Зиту, он за несколько секунд, хищно впиваясь грифелем в бумагу, изобразил лицо Артура. Впалые щеки, прилизанные волосы – все точь-в-точь как у трейдера, но вот нос – нос получился кривоватый, глаза распахнутые, с загнутыми вверх ресницами, мочки ушей мизерные, почти отсутствующие, с намеком на особую породу людей, которая всюду пролезет и ни за что не зацепится. Прыщ, который так неожиданно высветил ничем не примечательное лицо Артура, превратился в сквозную рану, в отверстие которой была видна улица и бок проезжающего по улице автобуса.

После закрытия кафе бариста попросил у Зиты тюбик губной помады и раскрасил автобус глянцево-красным цветом. Наблюдая за окончанием работы, напарница произнесла: «Ну и дикость!». Но в ее взгляде бариста прочитал неподдельный восторг.

С этого момента он начал рисовать в спринтерской манере. Мягкий крошащийся уголь заменил на прочный грифель, отказался от вязких цветных мелков и добавил в свой арсенал набор капиллярных ручек. Рисовал черным по белому. Четко. Быстро. Закончив художественный забег, отбрасывал планшет и возвращался к тубам с кофейным зерном, к стопке бумажных стаканчиков, к проголодавшейся клиентуре, среди которой мелькали недавние натурщики, к

роли пулеметного бойка. Последнюю, цветную деталь рисунка добавлял позднее, в спокойной обстановке, выбирая в качестве источника цвета случайный предмет – губную помаду Зиты, фруктовый джем, каплю кофе... Нередко использовал прием аппликации, тогда в дело шли лоскуты из гляцевых журналов, рекламных открыток, кофейных стаканчиков. На одном из портретов роль зрачков выполнили две искристо-бордовые пайетки с платья Зиты.

В тот самый день, когда родился новый стиль рисования, бариста впервые услышал выражение «финансовый кризис». Вскоре это словосочетание зазвучало все чаще и чаще и переползло из уст посетителей в заголовки газет. О чем говорили в теленовостях, бариста не знал – в тесной комнате, которую он снимал в Баттерси, телевизора не было, там с трудом помещались только кровать, платяной шкаф и стул. Не было телевизора и в кафе. Однако нетрудно было догадаться, что охочие до жареных новостей телеканалы вцепились в это выражение, как собака в сладкую кость. С тех пор как новости о «финансовом кризисе» крепко засели в головах окружающих и прочно обосновались в СМИ, люди из Сити, казалось, совсем перестали заботиться об отдыхе. На столиках появились ноутбуки, в очереди вместо шуток и разговоров о футболе постоянно звучали речи об «обвале рынка» и «плохих долгах», а некогда энергичная армия новобранцев все больше напоминала растерянное потрепанное войско.

Есть к счастью меньше не стали. Поначалу бариста с Зитой опасались, что пресловутый обвал рынка повлечет за собой падение аппетита у их посетителей. Но все обошлось. Ели с рассеянными лицами, сосредоточенно, но все-таки ели. Особенно налегали на бутерброды с тунцом. Почему? Трудно было найти этому разумное объяснение. Возможно, могущественный финансовый мир, осознав свою катастрофическую несостоятельность, не нашел для себя лучшего утешения, чем тунец, и все как один принялись жевать тунца в надежде, что рано или поздно все перемелется. Я жую, следовательно, я существую. Пока я ем тунца, никто не съест меня.

Мало смысливший в экономике бариста силился понять, что же все-таки происходило вокруг, и вдруг пришел к выводу, что кризиса бояться не следует. Кризис – это не что иное, как паника. А паника – дело временное. Ситуация, скорее всего, развивалась следующим образом. На одном из этажей кто-то из черно-синих не сдюжил. Никто не пришел ему на выручку, не помог успокоить подгулявшие нервы. Так устроен деловой мир. Каждый сам за себя. Но проблема в том, что маленькая истерика неизбежно рождает большую, и паника за отдельным столом перебрасывается на людей за соседними столами – начинается эпидемия страха.

Росту паники поспособствовало пресловутое информационное пространство. То, что раньше могло удержаться за стенами, вмиг разлетелось по глобальной Сети и тревожно высветилось на экранах компьютеров в Глазго, Манчестере, Дублине... Затем тревога продолжила свой путь через Ла-Манш и свела с ума людей в офисных зданиях на материке. К тому времени, когда истерика бушевала уже по обеим сторонам Атлантики, выяснилось, что во время всеобщей паники интереснее всего пугать. Ведь когда пугаешь других, то самому становится не так уж страшно. Не было никаких сомнений, что тот самый клерк, который первым забился в истерике, спустя пару недель уже глядел Наполеоном, чувствовал себя реформатором, финансовым акушером, провидцем. Он раньше других понял, что экономика грезит, как бы ей сподручнее сбросить с себя непосильное бремя накопленных обязательств. И другого выхода нет – придется ее кесарить.

Бариста полагал, что тем самым клерком вполне мог оказаться и Артур, обладатель роскошного алого прыща. Мысль, что однажды на лбу лондонского трейдера лопнул прыщ, а эхом бабахнула вся мировая экономика, вызывала у него улыбку.

Однако следует заметить – убоялись не все. Многие продолжали свои занятия как ни в чем не бывало: водили поезда метро, продавали закуски, пели со сцены, варили кофе, готовились к экзаменам, меняли валюту, поддерживали правопорядок и так далее. И поскольку Лондон был, если можно так выразиться, у бариста в кармане, а Королевский колледж продолжал

стоять на прежнем месте, то повода поддаваться всеобщей панике, по крайней мере по эту сторону прилавка, не наблюдалось. Правда, у Зиты заболел отец, и она третью неделю уходила из кафе сразу после обеда, но с половины третьего и до закрытия бариста неплохо справлялся и в одиночку.

Во вторник в половине третьего Зита надела клеенчатую куртку, попрощалась с бариста и направилась к выходу. В дверях она столкнулась с высоким посетителем в черном костюме. Бариста сразу его узнал. Высокого грузного мужчину звали Стивен Харт. В кафе он всегда приходил в одиночку, разговаривал у стойки мягким басом и, глядя круглыми коровьими глазами, улыбался без всякого повода. Работал бухгалтером в инвестиционном банке через дорогу.

Как бариста «знакомился» со своими клиентами? В этом не было никакой загадки. Чаще всего он прислушивался к разговорам у прилавка, где порой звучали и имена, и должности, и даже размеры годовых бонусов. Кроме того, подмечал надписи на бейджах, которые посетители забывали снять, выходя из офисов. К нему самому посетители обращались редко. Во-первых, заказы принимала, как правило, Зита, а во-вторых, в лице бариста было что-то такое, что не располагало обитателей Сити к общению с ним. Он не раз замечал, что даже наиболее жизнерадостные посетители, встретив его взгляд, стирали с лица улыбку и принимались сосредоточенно всматриваться в строчки меню на стене. Что-то выдавало в бариста представителя другой культуры, человека пришлого или, как любят выражаться на дальнем конце Европы, «понаехавшего».

Драпанувшие из Восточного блока в воображении лондонцев прочно связывались с последователями какого-то непонятного культа. Они осели в цивилизованной стране, но продолжают жить по-старому. И бес их разберет, чего им не хватает. То ли ритуальных танцев у костра, то ли стакана мутной самогонки, то ли дедовской берданки, с которой ходят в лес на медведя.

Лондонцы вычисляли чужаков разными способами: по акценту, по грубовато-атлетическому телосложению, по любопытному и диковатому блеску в глазах. Бариста не раз поражался способности коренных жителей отделять зерна от плевел и часто становился свидетелем того, как в разговоре с пришлым кто-то из местных неожиданно спрашивал: «Where are you from?»¹. Этот вопрос означал не что иное, как провал, поражение, очередную неудавшуюся попытку сойти за своего. Человека ставили на место, разом указав ему, что он здесь на положении гостя – и не факт, что желанного. Поэтому бариста чувствовал себя увереннее, отгородившись от неприятного вопроса стойкой кафе. Тут его не трогали, а он мог рисовать, зарабатывать на жизнь, откладывать на учебу и, конечно же, слушать разговорную речь, пусть в обрывочном, но идеальном исполнении.

С некоторых пор он принялся перекрашивать волосы. Каждую неделю начинал с новой шевелюры. Зеленый, желтый, фиолетовой – в ход шли все цвета. При виде его аляповатой прически взгляды некоторых клиентов теплели. Правда, заговорить с ним все равно не решались. Сам же он предпочитал помалкивать. Слушал, смотрел, виртуозно управлялся с кофейной машиной и показывал рисунки Зите. Дома, стоя перед зеркалом, дергал себя за цветные перья волос и тренировал улыбку, чтобы получалось не так вымученно, как у других «понаехавших».

Увидев Стивена, бариста заметил, что тот ведет себя довольно странно. Потоптавшись в центре зала, Харт опустился на стул за свободным столиком и уставился в стену. Потер массивной ладонью щеку. Перевел взгляд на дверь. Вид у него был совершенно растерянный. Несколько часов назад он заходил в кафе – покупал американо и багет с ветчиной. Выглядел помятым, как и большинство черно-синих новобранцев. По утрам это нормальное состояние для офисного планктона. Бариста, кстати, очень нравилось наблюдать, как утренний порцион

¹ Откуда ты приехал? (англ.)

разглаживает складки на их физиономиях. Как зажигаются светодиоды в их зрачках. Как исчезают с лиц остатки сна.

Стивен не отличался броской внешностью – у него было мешковатое крупнокалиберное телосложение, но таким раскисшим бариста его еще никогда не видел. Что-то случилось с бухгалтером в промежутке между девятью утра и половиной третьего дня. Неведомым образом купленный Стивеном багет с ветчиной превратился в самого Харта, а Стивен – видимо, ничего другого ему не оставалось – превратился в бледно-розовую ветчину. По какой причине – не ясно.

Снова открылась дверь, и в кафе вошла стройная, эффектно одетая молодая женщина. Ее тесный наряд так откровенно подчеркивал достоинства фигуры, что у бариста перехватило дыхание. Вероятно, она ошиблась адресом, сейчас развернется и покинет кафе. Бариста впился в нее взглядом, смело рассматривая немного скуластое лицо, высокую полную грудь, талию, наводившую на мысль о песочных часах, и ноги, обутые в алые туфельки на квадратном каблучке.

Ну, конечно же, сейчас постоит и уйдет! Роскошная птичка заглянула в неподходящую кормушку. Ее место не здесь, а в дорогих ресторанах Сохо или Ковент-Гарден.

Женщина неприязненно посмотрела на холодильник с бутербродами, на прилавок из дешевого пластика, на замершего бариста... Сейчас повернется и унесет свою ослепительную красоту прочь. Наверняка неподалеку ее ждет авто с личным водителем. Интересно, кто она такая? Актриса, поп-дива, телеведущая? Одна из жен современного Гаруна-аль-Рашида? С некоторых пор современные «гаруны» зачастили в Лондон, а то, что они не любят путешествовать в одиночку, – общеизвестный факт.

Ну, что же ты стоишь? Иди! Трое мужчин, которым выпало счастье увидеть тебя, весь остаток дня будут под впечатлением, а, возможно, и завтра не раз вспомнят твое случайное появление. Вон как скосил глаза седоватый клерк с газетой... До неузнаваемости преобразилось и лицо Ветчины-Стивена – был прохудившийся мешок, а теперь глаза заблестели и рот растягивается в подобие улыбки...

Но, удивительное дело, женщина не вышла из кафе! Она кивнула Ветчине-Стивену и направилась к его столику. Тот вознамерился было встать, но незнакомка остановила его движением руки. Бариста и седоватый клерк оценили изящество и точность ее жеста. Женщина пододвинула стул и села напротив Стивена. Все делала грациозно – грациозно поправляла волосы, грациозно поставила на столик небольшую алую сумочку одного с туфлями цвета, и теперь, когда она оказалась в профиль к бариста, в ее внешности засквозило что-то знакомое. Нет, не по киноэкрану и не по журнальным обложкам... В ней угадывалась уроженка Восточной Европы. Точно! Тут не было ничего общего с лощеной Британией или цветочной Францией, она явно была родом из Восточной Европы, из колыбели самых красивых женщин планеты. Если только она подойдет к стойке, то бариста наберется смелости и обратится к ней на венгерском. Почему бы нет? Вы просто не знаете, сколько в Будапеште красивых женщин! Они, конечно, одеты проще и держатся не так уверенно, но у многих точно такие же собранные в тугий пучок черные волосы и такие же гладкие ладони. Конечно, она давно живет в Лондоне, это заметно по ее свободным и точным движениям, она давно отвоевала свой горько-сладкий кусок земли под мглистым лондонским небом, она теперь тут как дома. Но ведь и она когда-то была нерешительной гостьей в зале прилета аэропорта Хитроу.

Как же она похожа на тех красавиц, которые сидят вечерами в кафе на центральных улицах Будапешта! Как сильно ее лицо напоминает мечтательные профили, освещенные не столько золотым светом ламп, сколько мыслями о Париже, Лондоне, Нью-Йорке...

Стивен заказал два капучино. На прилавок легла пятифунтовая банкнота. Скользя взглядом по его лицу, бариста заметил, что у бухгалтера трясется правое веко. Обычно Ветчина-Стивен держался прямо, возвышаясь над остальными посетителями на целую голову,

а сейчас он ссутулился, словно больной старик. Было удивительно, насколько мало радости испытывал он от встречи со своей ослепительной знакомой.

– Сожалею, что не могу предложить вашей даме кофе в нормальной чашке, – сказал бариста. – У нас только бумажные стаканчики.

– Без проблем, – мрачно ответил Стивен.

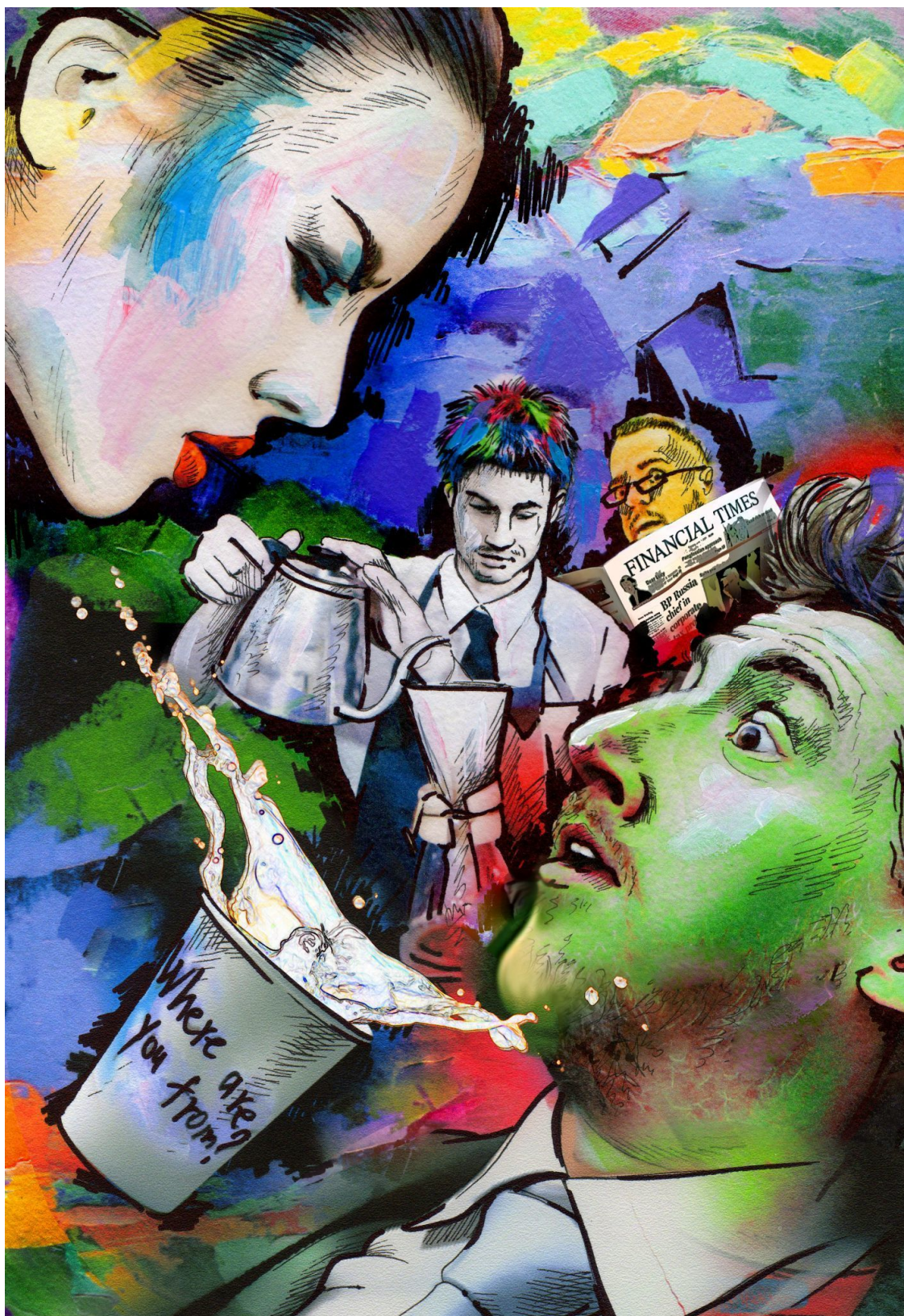
«Надо же, как сухо, – подумал бариста. – Впрочем, лучше помалкивать, а не соваться со своими извинениями». Была бы здесь Зита, точно сказала бы «nuts»². Зита всегда говорит «nuts», когда бариста делает какую-нибудь глупость.

Пока Стивен заказывал кофе, красавица и клерк с газетой за соседним столом обменялись взглядами. Бариста понял их немой диалог. Клерк, едва не пуская слюну, метался взором от ее коленей к ее груди, а она охватила его взглядом целиком, от ботинок и до самой макушки, взвесив несчастного клерка на весах ей одной понятной конструкции. Взвесила и, судя по надменному взгляду, признала недомерком.

Со Стивеном она заговорила решительно и сурово. Наморщила лоб, что оказалось ей не совсем к лицу. К кофе не притронулась. Слушая спутницу, Стивен мрачнел все сильнее и сильнее. Он пытался заговорить, но она прервала его на полуслове. Обрывки разговора долетали до соседнего столика – там вновь поднялся газетный занавес – седоватый клерк поспешил отгородиться от выяснявшей отношения парочки разворотом «Файнэншл Таймс». Впрочем, он только делал вид, что отгородился, а сам, вероятно, вслушивался в их разговор с зудящим любопытством. Вряд ли он был в состоянии читать – ни разу не перелистнул страницу.

Наконец Стивену удалось вставить слово. С лицом молящегося паломника он протянул руки к своей жестокой Деве Марии и, накрыв огромными пятернями неподвижную гладкую ладонь, заговорил по-детски горячо и торопливо. Тут же наткнулся на такой резкий отпор, что у него по лицу пробежала судорога. Бариста показалось, что бухгалтер даже закачался на стуле. Красавица сказала что-то еще и сопроводила свою речь жестом, который означал «Все! Баста! Разговор окончен!». Она взяла стакан с кофе, сняла с него крышечку и, откинувшись на спинку стула, сделала глоток. Ветчина-Стивен возвышался перед ней сутулой громадой. Он походил на измученный мотор, который почихал, потрясся и в итоге сдох. И вот его везут на свалку, но вдруг – о, чудо! – мотор оживает и вновь начинает молотить поршнями и вращать вентилятором.

² Чокнутый (англ.)

Красивая женщина не оценила такого чуда. Будучи сама по себе чудом природы, она не нуждалась в подражателях. Сверкнув глазами в сторону бормотавшего что-то Стивена, она поставила стакан на стол, сняла с безымянного пальца левой руки кольцо, задержала его на секунду в воздухе и разжала пальцы. Кольцо булькнуло и утонуло в кофейном колодце. Удивительная посетительница взяла со стола сумочку и пошла прочь из кафе. Поднимаясь из-за сто-

лика, она посмотрела на бариста. Тот поймал ее взгляд, холодный, безжалостный, и бросился к своей планшетке. Рисуя ее, он увлекся настолько, что не заметил, как Стивен тоже вышел из кафе, унося стакан с кольцом, а следом удалился и седоватый клерк, бросив на столик газету.

Закончив рисовать, бариста обвел взглядом опустевшее кафе. Посмотрел на листок. Точного сходства как всегда не получилось. Лицо на рисунке вышло худым и непропорциональным. Сгладились резковатые скулы, нос излишне вытянулся. А рот, красиво очерченный рот, приоткрылся, и из него хищной плетью вывалился извивающийся раздвоенный змеиный язык.

Для завершения портрета как обычно не хватало цветной детали. Нужен был источник цвета – что-то бытовое, случайное.

Взгляд бариста упал на лежащий рядом с микроволновкой нож – огромную секиру, которой он разрезал апельсины, когда готовил фреш. Одно движение – и оранжевый шар распадается на две половинки. Еще этим ножом было удобно вспарывать упаковки с минеральной водой. Зита пользовалась ножницами, а бариста экономил время – вжик, и освобожденные бутылки катятся по полу в разные стороны.

Он взвесил нож в руке. Аккуратно приложил лезвие к подушечке левого указательного пальца. Провел без нажима. Дождался, пока из пореза выступит кровь, приложил палец к раздвоенному языку на рисунке. Кровь расплылась на бумаге, нарушая границы линий, меняя цвет с красного на чайно-коричневый. Палец обожгло неприятно колючей, пульсирующей болью. Бариста облизнул рану и застыл, глядя, как порез вновь наполняется густой темно-красной жидкостью. Сплюнул на пол.

Завтра можно будет показать рисунок Зите, а теперь нужно найти скотч, чтобы заклеить порез. Где-то был целый моток... Да, кстати, сколько сейчас времени? Без двадцати четыре. Ну что ж, пора закрывать кафе, вряд ли еще кто-то зайдет.

2

Ежедневно на крышу Каса Мила в Барселоне забирается толпа туристов. Всем интересно взглянуть на город с такой необычной смотровой площадки. К тому же, знаменитая крыша сплошь утыкана каменными аппендиксами и мозаиками Антонио Гауди, выдающегося архитектора, чья жизнь оборвалась от нелепого столкновения с первым городским трамваем.

Говорят, что до него город был совсем другим. В нем не искрилось то гениальное безумие, ради которого сюда теперь приезжают со всего света. Многие посещают Барселону исключительно ради творений чудака-архитектора. Из аэропорта гости города мчатся в гостиницу, а там, побросав вещи, хватают за руку первого встречного и, выяснив дорогу к Саграда Фамилия – храму Святого Семейства, пешком или на такси мчатся глазеть на этот недостроенный термитник. Затем они галопируют в парк Гуэль, по пути успевая разыскать улочку Каррер де Лес Каролинес, а на ней Каса Висенс. Из парка летят напрямик к Каса Мила, откуда смотрят не столько на город, сколько на пройденный ими маршрут. Сбавив обороты, обмениваются впечатлениями и с удовлетворением отмечают, что справились с Барселоной куда быстрее, чем предполагалось. В Париже так не получилось. А с Римом и вообще не удалось расправиться в отведенный срок.

На набережную и на Монжуик отправляются от избытка времени: оба места идут как бы в нагрузку к творениям гениального искривителя пространства. Единственная достопримечательность, которая хоть как-то может противопоставить себя оплывшим в огне фантазии архитектора строениям, – это бульвар Рамблас. О нем туристы прочитали в путеводителях еще в самолете, где сосредоточенно решали вопрос, куда отправиться в первую очередь, к храму или на бульвар? Гигантский термитник, как правило, побеждает. По Рамбласу ударяют уже заключительным аккордом, попутно удивляясь, отчего музыка звучит не слишком выразительно, словно доносится из-за стены. Бульвар как бульвар – ничего в нем особенного. Вот люди, вот лавочки. Выхлопные газы окутывают Рамблас со всех сторон. В общем, такое же надувательство, как и Елисейские поля. От позорного фиаско бульвар спасают лишь расположенные по соседству рестораны Готического квартала. Обнаружив, что наступило время ужина, новые конкистадоры бросаются в заведения, где заказывают сковородки с паэльей, тарелки с хамоном и лучшие испанские вина.

Из-под ресторанного козырька Рамблас приобретает более привлекательный вид. А вместе с ним преобразаются и остальные завоевания этого дня: растушевываются на голубом фоне неба строительные краны вокруг башен Саграда Фамилия, расцветают и утончаются грубые мозаики парка Гуэль. Удобные плетеные кресла и белоснежные скатерти наводят на мысль, что Барселона – место неповторимое и что по возвращении домой путешествие по миру параболической архитектуры следует рекомендовать всем своим знакомым!

По набережной участники туристического блицкрига ходят сытые и довольные, с осознанием того, что Барселона полностью оправдала их ожидания. Завтра они рванут кто в Мадрид, кто на Ибицу, увозя из испанской культурной столицы мелкие сувениры и расцветшие под конец дня впечатления, и ни один из них не вернется назад. Никогда.

В это трудно поверить, но это действительно так. Не верите – спросите у Пако. Он работает на крыше Каса Мила больше пятнадцати лет. Пако Камарилья подтвердит, что в Барселону не возвращаются. В ней даже не задерживаются. Сквозь нее пролетают с чудовищным ускорением, поражаясь тому, как мало физического места занимает город, отвоевавший такой приличный кусок в воображении всех живущих и путешествующих.

Полоумный архитектор гениально искривил пространство. Только совсем ненаблюдаемый путник не заметит, что убывает из города вовсе не тем маршрутом, каким сюда явился. Даже в том случае, когда на входе и выходе его встречают стюардессы все той же авиакомпания

нии. Но собирался ли старик выпрямить то, что загнул так удачно? Времени у него оставалось совсем немного. А тут еще это трамвайное недоразумение... В общем, получилась из города история с открытым финалом. И бог его знает, в чей власти этот финал закрыть.

Пако может поклясться, что за время его работы на крыше никто из туристов не появлялся дважды. И это не пустой звук. Для большинства окружающих все незнакомцы на одно лицо. Но в случае с Пако иначе. У него с детства была фотографическая память. Его невозможно было ввести в заблуждение ни монотонной круглотой азиатских лиц, ни однотипной худобой лиц европейских. Для него все лица разные. И если Пако до сих пор не сошел с ума от такого обилия образов в картотеке своей памяти, то только потому, что запоминание лиц не требовало от него ни малейших усилий.

Уникальный механизм в голове Пако впервые заработал в Сантандере, его родном городе. Мальчику было пять лет, когда отец взял сына на завод. Все трудоспособные мужчины Сантандера работают на заводе или в порту. Туда же попадают и их дети, когда становятся взрослыми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отец приводит на завод пятилетнего сына, чтобы тот посмотрел на дымящие красные трубы, послушал грохот в цеху, прокатился на автопогрузчике и вдохнул воздух, пропитанный серой и машинным маслом. Пусть встретится со своим будущим.

Все рабочие на заводе одеты абсолютно одинаково: темно-синие спецовки с черными пуговицами и громоздкие ботинки на прорезиненной подошве. Пако это понравилось. Он смотрел на лица и руки и замечал, что руки иногда повторяются – больше всего было широких ладоней с короткими пальцами и вдавленными ногтями – а лиц одинаковых нет. Даже близнецов, работавших в доменном цеху, Пако распознал, хоть они и появились не разом, а поодиночке. Когда к отцу, державшему сына за руку, подошел первый, по имени Николас, Пако его мысленно сфотографировал. На выходе из цеха им повстречался второй, рассматривавший на ходу какой-то чертеж. Отец, не здороваясь, прошел было мимо, но Пако затормозил, дернул отца за руку. Картотека зафиксировала новое изображение – ну разве можно спутать лицо с горящими глазами и лицо без единого намека на страсть! Второй близнец оторвал взгляд от чертежа, увидел отца с сыном и приветливо улыбнулся. Тут и отец понял, что перед ним второй из братьев, и крикнул сквозь заводской грохот: «Привет, Игнасио!». Наблюдательность сына не произвела на него впечатления. Он попросту ничего не заметил. Между тем именно близнецы запустили тот загадочный запоминательный механизм, который потом доставил Пако множество хлопот.

На феноменальную память сына обратила внимание мать. Не сразу, где-то через год. Пако пошел в школу, и каждое утро она отвозила его к началу занятий на трамвае. Они жили рядом с конечной, откуда вагоны шли почти пустыми. Мать и мальчик занимали два места в конце вагона и ехали, разглядывая улицу. Время от времени Пако делал негромкое заявление: «Я этого дяденьку знаю». Или: «Его зовут Хорхе». «Откуда ты его знаешь?» – спрашивала мать. «Он работает на заводе вместе с папой». Или: «Эта тетенька продает на рынке аспарегус». Мать напрягала память и вспоминала, что, да, действительно, в прошлое воскресенье она покупала на рынке зелень у той самой женщины, которая только что шла по тротуару.

Постепенно выяснилось, что Пако знает в лицо всех жителей их района и узнает громадное количество рабочих с отцовского комбината, где провел всего три часа. Его память хранила случайную выборку из горожан, с которыми он хотя бы раз сталкивался во время выездов семьи на пикник или во время визитов к родителям отца, которые жили на другой окраине Сантандера. Следом обнаружилась и еще одна интересная деталь: мальчик фиксировал только первую встречу с незнакомцем. Каждый следующий раз, каким бы он ни был по счету, вторым или десятым, ничего не прибавлял к загадочной картотеке, копившейся у него в голове. Тетка с аспарегусом давно перешла работать в супермаркет в соседнем районе. Туда ездили раз в месяц как по расписанию, чтобы закупить бытовую химию и что-нибудь из одежды. Когда зна-

комая тетка встретила их за кассой, мать тихо спросила у Пако: «Помнишь эту тетеньку?». «Да, – уверенно ответил Пако. – Она продает на рынке аспарагус». При всем этом мальчик не был умственно отсталым, хорошо успевал в школе, а в старших классах стал отличником по истории и географии. На физкультуре он быстрее всех пробегал стометровку. Не наблюдалось никаких признаков того, что работающая по собственным законам память Пако мешает ему быть таким же, как остальные дети. Но мать все равно волновалась. И, как позднее выяснилось, не напрасно.

В восьмом классе у Пако начались сильные головные боли. Врач из госпиталя Святой Девы Марии побарабанил пальцами по столу и сказал, что не находит причин для беспокойства. Болеутоляющий препарат все же прописал.

Страдания не утихали. От таблеток оказалось мало проку. По вечерам Пако корчился, лежа на кровати, а мать хлопотала вокруг него с холодным компрессом. Отец, придвинув кресло вплотную к телевизору, смотрел футбол, убавив громкость до минимума. В один из вечеров, когда голова Пако буквально раскалывалась на части, мать присела на край дивана и, потрогав лоб мальчика прохладной широкой ладонью, вздохнула.

– Я больше так не могу, – простонал Пако. – Кругом одни и те же лица.

– Ну, как же! – раздался из кресла возглас отца. – Вот оно, новое лицо – правый полузащитник! Лучше бы его вообще не было! Зачем потратили кучу денег? Это же какой-то калека, а не игрок!

– Может, тебе телевизор посмотреть? – с робкой надеждой спросила мать.

Пако зажмурил глаза и покачал головой.

Постепенно дело обрисовалось следующим образом. В голове у парня бунтовал загадочный механизм, который не докучал своему владельцу, пока тот регулярно поставлял ему необходимое топливо в виде новых лиц. Но стоило механизму оказаться без пищи, начинались бунт и страдания. К четырнадцати годам в двухсоттысячном Сантандере не осталось ни одного человека, который хоть раз не оказался бы в поле зрения мальчика. В этом смысле Сантандер для Пако умер. Некоторое время ему еще удавалось перекантоваться, приезжая на вокзал к прибытию поезда из Мадрида. Но когда Пако окончил школу, у загадочной картотеки вдруг проснулся зверский аппетит. Сжирая лица вышедших из вагонов мадридского экспресса людей, закусив гостями города, прибывшими путем автобусного сообщения, портретная прорва не утихала и требовала добавки. В виски страдальца впивались невидимые иглы, на темя надавливал свинцовый груз. Пако решил уехать в другой город. Он собрался в Мадрид, где без труда можно было устроиться на работу официантом.

Тут запротестовал отец. Он требовал, чтобы сын получил рабочую специальность. «На заводе не хватает рабочих рук! – кричал старший Камарилья и ударял кулаком по ручке кресла. – Не хочу, чтобы парень стал подай-принеси. Это не профессия для мужчины!» Ничего не имея против рабочей специальности, Пако не допускал мысли, что придет на завод, где его окружат знакомые лица – сотни, тысячи знакомых лиц, среди которых не окажется ни одного нового. Картотека раздавит его бедную черепушку, как пятитонный пресс – грецкий орех. И спустя месяц он уехал из Сантандера. По пути скушал портреты попутчиков, которые рассказывали ему о Барселоне, и решил не делать остановку в Мадриде. В Барселоне, куда ежегодно приезжают миллионы туристов со всего света, не будет недостатка в новых лицах.

Вот как он попал в этот город, а в нем – на крышу Каса Мила. Впрочем, на верхотуре он оказался не сразу. Поначалу все-таки попробовал себя в роли официанта. Был разгар туристического сезона, и Пако блаженствовал. Каждый день он под завязку набивал свое уютно пристроившееся под черепной коробкой Нечто, а попутно делал интересные наблюдения. Самые щедрые чаевые оставляют русские. Это раз. Второе – более всего Нечто интересуют азиатские лица. Пако даже попытался выяснить, кто именно из азиатов приходится Нечто особенно по вкусу. Но в октябре у ресторана сменился хозяин, и новые порядки пошли заведению не

на пользу. Прохожие на Каррер де Касп стали останавливаться все реже, ресторан пустовал. Новый владелец не сумел договориться с кем надо, и туристические автобусы миновали ресторан без остановки. И гиды больше не упоминали его как одну из гастрономических особенностей испанской столицы. Пако надоело весь день смотреть поверх пустых столов, и он устроился кассиром в музей на Монжуике, а оттуда вскоре перебрался на крышу. И не просто сменил место работы, а угодил «в десятку».

От трехсот до полутора тысяч посетителей ежедневно, весь земной шар от Калифорнии до Сахалина: черные, рыжие, веснушчатые, бледнолицые, с распахнутыми глазами и глазами-щелочками, с угластыми скулами и с маленькими подбородками, с растительностью, выбивающейся из носа, с голубыми венами, просвечивающими сквозь кожу на висках, толстощечие, почти безгубые, осунувшиеся, с лакированными лбами – вот что такое крыша Каса Мила!

Наконец-то Пако разобрался с азиатами. Аппетитнее всего оказались японцы. Для них в картотеке как будто существовала особая полочка: что-то вроде раздела «деликатесы» в ресторанном меню. Как правило, японцы появлялись на крыше группами и начинали свой визит с того, что заглядывали стоящему у стеклянных дверей Пако прямо в глаза. Словно понимали, что у дверей дежурит Некто, кто должен их зарегистрировать. Некоторые «деликатесы» кланялись, и Пако кланялся им в ответ. Вторыми по сочности шли жители Корейского полуострова. Ими картотека лакомила в отсутствие японцев, хотя сам Пако их недолюбливал. Юркие и суетливые, они шныряли по крыше и шумно перекрикивались друг с другом. С одним южнокорейцем случилось как-то жуткое недоразумение. Он так бойко порхал по крыше и так плотно держался в центре толпы на выходе и на входе, что Пако трижды видел его спину, но так и не сумел его сфотографировать... Хотел было броситься за корейской группой вдогонку, но удержался. Ведь у Пако есть еще и должностные обязанности! Он, например, должен следить, чтобы посетители не повредили цветные мозаики, не забирались с ногами на парапет, не курили, не мусорили...

Любопытно, что определилась и наименее «вкусная» категория лиц. В ней оказались те, кого принято считать «классическими эталонами красоты». Те самые журнальные, подиумные, экранные красавицы и красавцы. Театральные актеры, звезды кино и телевидения, оперные солисты, поп-знаменитости, фотомодели – кто только не побывал на крыше за пятнадцать лет! Весь мир восхищался ими и с увлечением следил за их появлением на экранах телевизоров. Единственным местом, где захватывающей дух красоте не предоставлялось никаких привилегий, была загадочная и своенравная картотека в голове Пако. Восхищаясь ее вместимостью и полагая, что она все-таки не бесконечна, Пако знал, кого в случае необходимости он вышвырнет вон. Этим самым так называемых красавиц и красавцев. Они для него балласт, да и только.

Русский, который битый час ошивался на крыше, относился к средней вкусовой категории. У него было правильное лицо, выразительные губы – такие часто встречаются у этих, наименее аппетитных, но под глазами виднелись очаровательные синеватые полукружия и переносицу украшал отменный деликатес в виде похожей на корону тройной морщины, так что картотека слопала его не без удовольствия! Учитывая, что за целый день на крыше не появилось ни одного азиата – немцы, шведы и горстка арабов, русский был проглочен на ура.

Как Пако выяснил его национальность? Ну, это проще простого. Во-первых, тот много разговаривал по мобильному. Все русские, как известно, жуткие трепачи. Если бы он появился в компании своих соотечественников, то шуму было бы как на базаре в воскресный день. Они не умолкали бы ни на секунду и обязательно показывали на все пальцем. «Вон Саграда Фамилия!.. Вон, вон!.. Вон фуникулер!.. Смотри, как ползут кабинки!.. А это что – вон там?.. Да не там, а вон там!..».

Кроме того, Пако немного различал иностранные языки, и этот, с короной между бровей, явно говорил по-русски. Правда, с вкраплением английских слов, но этим нынче страдают все языки без исключения.

В-третьих и в самых главных, визит болтуна с короной закончился плохо. А уходить со скандалом – характерная черта русских туристов. Это Пако выяснил, работая официантом. Не просто разбить бокал, а разбить и устроить разборки с администратором. Не просто познакомиться с компанией за соседним столиком, а угостить их за свой счет шампанским, потом водкой, а в конце встать и дать одному из них по роже. Задрать юбку официантке. Написать маркером на ладони «Fuck» и с улыбкой показывать всем входящим. Выпустить в зал «попасться» детей, свору милых чад, перед которой оробели бы орды Ганнибала.

На крыше русские тоже умудрялись доставить всем немало хлопот. На прошлой неделе трое бугаев заставили пожилого немца фотографировать их дружеское братание. Сначала они встали у парапета, заслонив собой чуть ли не весь голубой небосклон. Каждый хотел покрасоваться в середине кадра. По этим соображениям дублей было не меньше десяти, по три-четыре на брата. Потом самого жирного подняли на руки и долго раскачивали. Немцу пришлось запечатлеть сей радостный миг пять или шесть раз. Увидев мозаичный сталагмит, который им что-то напомнил, бугаи принялись замирать около него в разных позах – не слишком, надо сказать, приличных. Глядя на них, старушка-немка густо покраснела. Затем бугаи сфотографировались с едва доходившими им до подмышек китайцами, хватая их за руки и громко хохоча. Бедный немец не знал, как от них отделаться, а его сухощавая супруга под конец фотосессии сползла по стенке вниз – жара в тот день была невероятная. В таких ситуациях выручает то, что русские нигде долго не задерживаются. Им все быстро надоедает. Налетят, пошумят, перевернут вазу с цветами или, если дело происходит на крыше, разольют сок-пиво-минералку и отвалят.

А этот почему-то никуда не спешил. Он медленно прогуливался по крыше, минут десять простоял под аркой с видом на северо-западную часть города, дважды ослабил ремешки на сандалиях. Из арки, где он задержался, Саграда Фамилия напоминает игрушечный замок с красочной открытки, в отличие от вида с улицы, где она кажется похожей на нагло задранные в небо ноги в рыжих штанах. Но русского не интересовали ни вид, ни замок – он задумчиво бродил вдоль южного парапета и время от времени поглядывал на морской горизонт. Когда у

него зазвонил мобильник, он посмотрел на экран и нахмурился. Ответил только после десятого сигнала. Болтал, однако, долго – до Пако долетали обрывки фраз, из которых становилось ясно, что это за птица. Русский хвастался, что отдыхает в Барселоне – название города прозвучало раз двадцать – а потом принялся спорить со своим собеседником. Из трубки ему пытались сообщить что-то важное, а он обрывал рассказчика на полуслове. Совсем не давал собеседнику высказаться и почему-то получал от этого большое наслаждение. Разговор он закончил смеясь. Убрал телефон в карман и опять нахмурился. У него вдруг стал такой огорченный вид, что можно было подумать, он того и гляди разбежится и сиганет с крыши вниз головой. Но вместо дикого поступка, который был бы сейчас ему очень к лицу, странный тип достал из кармана монетку, положил на ладонь и долго смотрел, не отрываясь. Потом подбросил и поймал в кулак. Выждав несколько секунд, разжал пальцы. По нахмурившемуся еще сильнее лицу стало ясно, что монетка не оправдала его надежд. Наверное, упала на решку, в то время как бросавший ждал орла. Русский выругался, постоял в нерешительности, а потом с силой швырнул монету вниз.

Такое действие является грубым нарушением правил. На крыше запрещается мусорить, курить, употреблять алкогольные напитки, забираться с ногами на парапет... В подобных случаях правила требуют, чтобы посетитель удалился. Но одно дело просыпать из пакета чипсы или разлить минералку и совсем другое – бросать с крыши посторонние предметы. За такое полагается штраф. Не настолько значительный, как, скажем, за нанесение вреда мозаикам и барельефам, но все же весьма ощутимый. По инструкции Пако должен был сообщить администратору по рации и ждать, пока снизу пришлют охрану. Нарушителя тем временем требуется задержать, а при необходимости позвонить в полицию.

Пако собирался действовать по инструкции, но стоило ему поднести к губам рацию, как автоматические двери открылись, и оттуда хлынули японцы. Не двое, не трое, а целая делегация! Наверное, внизу остановился автобус – японцы часто разъезжают по Барселоне на туристических автобусах. Пако чуть было не задохнулся от восторга и первым начал раскланиваться с дорогими гостями. Про русского с его злосчастной монеткой он мигом забыл. Японцы входили чинно, парами, позволяя себя хорошенько сфотографировать. Никаких надвинутых на глаза панам, никаких солнечных очков – чистый деликатес на блюде. Лицо одного старика так сильно понравилось Пако, что он решил обязательно подкараулить его и на выходе. Можно будет сказать ему «оригато» и посмотреть, как он заулыбается в ответ. Когда японцы улыбаются, то уголки губ у них ползут в разные стороны, удлинняя рот чуть не вдвое. Пако так увлекся японской делегацией, что не обратил внимания на взывшую на улице сирену, и очнулся, только когда голос из рации сообщил, что на крышу поднимается полиция.

Конечно, офицер полиции не шел ни в какое сравнение ни с одним из азиатов, но и его Пако заснял, как только тот показался в дверях. Более того, пришлось склониться перед офицером, так как Пако не сразу понял, что лежит у того на ладони. Только наклонившись, он рассмотрел двадцатицентовую монетку, выпачканную чем-то густым и красным. Догадавшись, что это за монетка, Пако немедленно указал на русского.

Тот стоял на прежнем месте у парапета, скрестив на груди руки. Увидев приближающихся к нему дежурного с полицейским, даже не шелохнулся. На вопрос офицера насчет монетки ответил утвердительно. Да, бросил. Неудачный день, куча неприятностей, и он, видите ли, не в духе. Тем не менее дико извиняется. Похоже, что неприятности гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд, – заметил офицер и показал окрашенный бурым двадцатицентовик. Краска перепачкала офицеру ладонь, и тут для всех стало совершенно очевидно, что никакая это не краска, а самая настоящая кровь. «Что случилось?» – воскликнул русский, не слишком, впрочем, переменявшись в лице. А вот у Пако сердце застучало, забило, как жертвенный там-там, и он долго не мог понять, в чем же дело – в только что съеденной порции азиатов или в липкой монетке? А может быть, в том, что он не сообщил вовремя по рации о нарушении

порядка? Офицер объяснил, что монетка ранила продавца газет, который торгует у входа в Каса Мила. У газетчика отсечено левое ухо.

– Неужели совсем отсечено? – поинтересовался русский. – Такая на вид легкая монетка, сущий пустяк, почти ничего не весит.

Он, кстати, очень хорошо говорил по-испански. Пако даже засомневался, турист ли он, с таким-то беглым произношением.

– Напрочь, – ответил офицер и указал русскому в направлении автоматических дверей.

Подробности выяснились в полицейском участке, куда всем пришлось ехать для составления протокола. Место дежурного на крыше занял один из охранников, а Пако, русский и офицер покинули Каса Мила. На улице, напротив входа в дом-музей стояли машина полиции и скорая помощь.

Пострадавший сидел на тротуаре на ворохе газет. Голова его была замотана бинтом, один из рукавов рубахи закатан выше локтя. К офицеру подошел врач и сказал, что газетчика нужно везти в больницу. Если ухо не пришить в течение часа, то будет уже поздно.

– Почему?

– Потому что ухо не приживется.

Врач так и сказал «не приживется», будто речь шла о цветке или саженце.

– Он нужен мне для дачи показаний, – возразил офицер.

– Тогда распишитесь, что забираете его под свою ответственность, – сказал доктор и стал подсовывать полицейскому какую-то бумагу. – Ухо тоже забирайте, – добавил он.

– А где оно? – спросил офицер, глядя на забинтованную голову газетчика.

– Мы положили его в холодильник.

– Большой холодильник? – поинтересовался офицер и посмотрел на свою машину, словно прикидывая, какого размера холодильник туда поместится.

– Небольшой, – пояснил доктор, – размером с ящик для пикника. Нога, например, туда не влезет, а вот для уха или для сердца в самый раз.

Офицер подумал и сказал:

– Забирайте газетчика, я приеду за ним, когда вы его соедините с ухом. Вот вам мой телефон, позвоните, когда закончите.

Газетчику помогли подняться с окровавленных «АВС» и «Эль Паис» и, поддерживая под руки, повели к скорой. Пако, русский и офицер отправились в участок на патрульной машине. На Университетской площади попали в пробку. По пути Пако фотографировал, а русский негромко напевал. В управлении с ним случилось очередное недоразумение. Когда у задержанного спросили, как его имя, он громко ответил: «*Me llamo guerra!*³» Полицейские переполошились, двое выхватили пистолеты и встали в стойку. Все приняли русского за террориста – сумасшедшего, который ждет подходящего момента, чтобы рвануть чеку спрятанной в кармане гранаты и отправить себя и окружающих на тот свет. Его тут же обыскали, но никакой взрывчатки не нашли. При нем был обычный набор вещей: мобильник, кредитные карточки, немного наличных и паспорт – тут Пако просиял самым лучезарным образом – на имя гражданина Российской Федерации. Звали русского Герард Сердцев. Герард, или, как он сам называл себя, Герра, – вот что смутило полицейских, а русского, безусловно, позабавило, потому что он не впервые произносил свое имя здесь, в Испании, и, конечно, знал, как на него реагируют. Насчет дальнейших событий Пако не в курсе, так как, расписавшись на листе показаний, он был отпущен с требованием явиться для повторного свидетельства, если таковое потребуется. Отвезти его назад не предложили, и Пако вышел из управления обиженный. Но вскоре сообразил, что торопиться ему некуда, погода отличная, план по картотеке перевыполнен, и можно не спеша прогуляться до Каса Мила, а по пути заглянуть в уютное кафе на Виа Августа.

³ Мое имя – война (*исп.*)

3

Пригородный поезд замедлил ход, и голос в динамике объявил: «Станция Люишем». Молодая женщина в алых туфлях с алой сумочкой на коленях встала и пошла к дверям.

«Проклятая дыра, – мелькнуло у нее в голове. – Хуже разве что Кент. Хотя Кент – это уже не Лондон».

Был на удивление теплый день. Те, кто хорошо знаком с лондонской погодой, знают, что подобными подарками природы следует пользоваться незамедлительно. Если в хорошую погоду не успеешь подставить солнцу лицо – считай, что упустил шанс в лотерею. Вместо обещанного тепла может похолодать, накатят тучи, выпадет снег. Результаты лондонской метеолотереи всякий раз непредсказуемы.

В данный момент женщина с алой сумочкой не была склонна восхищаться ни погодой, ни чем-либо еще. Ее только что оштрафовал контролер. Она ехала по ветке, где билеты проверяют лишь в часы пик, и, надо же, нарвалась-таки на неприятного субъекта в синей форме. В результате вместо экономии получился проезд по тройному тарифу. Кроме того, в очередной раз ее возмутил тот факт, что контролеры в Англии совершенно невосприимчивы к женским чарам. У себя на родине она бы справилась с такой проблемой в два счета. Застенчивая улыбка, невнятное лепетание, хлопанье ресницами – и езжай хоть до конечной станции! А здесь подобный номер не проходил. Откуда только берутся такие бесчувственные сухари?

Водянистые зрачки, руки с фиолетовыми жилами, размахивает своей машинкой, из которой с противным гудением выползает штрафная квитанция... Попробуй с ним пококотничать! Он станет только суровее. Что ни пусти в ход – плаксивый вид, растерянный взгляд, надутые губки – все абсолютно бесполезно.

Какие мысли бродили в его канцелярской голове? Глядя на ее новый жакет, он, вероятно, думал: «Куплено в “Харродс”, а это дорогое удовольствие. Вот, значит, каковы любительницы платить за шмотки втридорога. Экономят на билетах. Что ж, леди, вот штрафная квитанция. Извольте раскошелиться».

Удивительно, как хорошо даже скромно одетые британцы разбираются, из какого магазина та или иная вещь. Прилично одетому человеку, с одной стороны, это приятно, а с другой стороны... штраф.

Пройдя под железнодорожными путями, женщина оказалась среди таунхаусов. На первом перекрестке она свернула налево, прошла метров тридцать и остановилась напротив двери с желтоватым стеклом и окаймленной медью прорезью для почты. Пока она выискивала в алой сумочке ключ, затряслась и со скрипом открылась соседняя дверь. Из-за двери медленно выползла на свет божий кашеобразная старуха в линялом сарафане со спутанным комом седых волос на голове.

– Добрый день, Анна, – скрипучим голосом произнесла старуха, глядя себе под ноги.

– Здравствуйте, мисс Берч, – ответила молодая женщина, с удвоенным рвением продолжая поиски ключа.

– Сегодня вторник или четверг? – спросила старуха, неожиданно меняя тембр голоса со скрипучего на визгливый.

– Вторник, мисс Берч, – ответила Анна и, выхватив из сумочки ключ, поспешно принялась вращать его в замочной скважине.

– Ненавижу вторники. Впрочем, четверги немногим лучше.

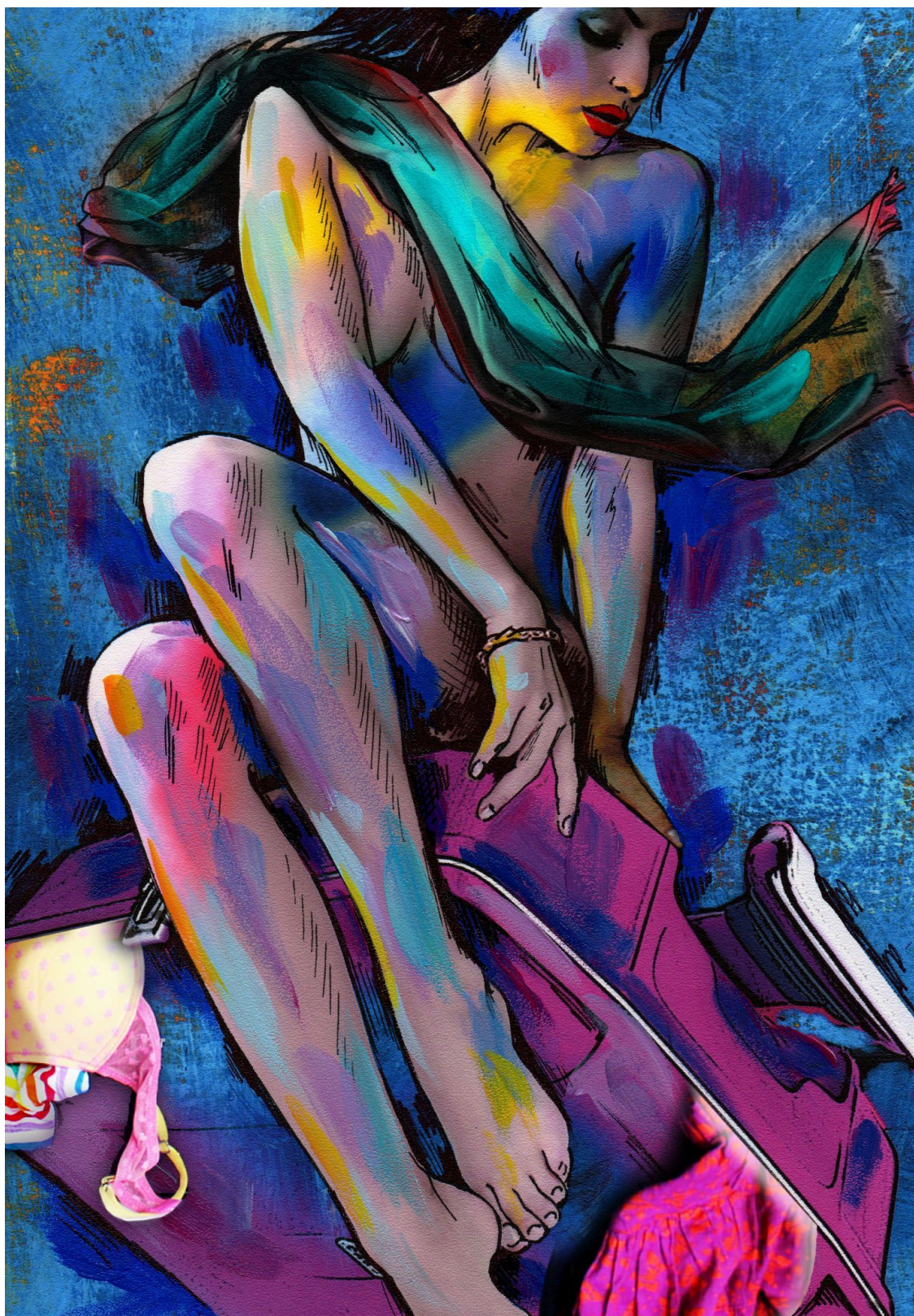
– Ничего, мисс Берч, недолго осталось.

– Что? – встрепенулась старуха, впервые отрывая взгляд от асфальта и, тем не менее, глядя вовсе не на Анну, а куда-то в пустое пространство. – Что это значит?

– Ничего особенного. Еще чуть-чуть и наступит среда. Всего хорошего, – ответила молодая женщина, скрываясь за входной дверью.

В прихожей горел свет, на полу были разбросаны газеты и конверты с рекламой. Оставив сумочку в гостиной, Анна поднялась на второй этаж и приступила к сборам. Первым делом из-под кровати в спальне был извлечен сиреневый пластиковый чемодан. Она бросила его на кровать и распахнула платяной шкаф, из которого в хаотичном порядке принялась выуживать вещи. Платья, джинсы, купальники, нижнее белье – скоро чемодан скрылся под ворохом разномастной одежды. В шкафу висели и мужские вещи: пара черных костюмов и вешалки с неглаженными сорочками. Из-под сорочек выглядывали хвостики однотонных галстуков довольно унылых цветов. Один из галстуков свернулся на дне шкафа синей перекрученной змеей. Анна посмотрела на костюмы, и в ее глазах мелькнул недружелюбный огонек. Она отвернула полу одного из пиджаков и обследовала внутренние карманы. Потом проверила, что находится во внешних. Следом обыскала второй пиджак. Не найдя ничего интересного, наклонилась и смачно, по-мужски, плюнула в боковой карман.

К вещам, лежавшим на кровати, она добавила сумочку с косметикой, какие-то таблетки и пару флаконов с духами. Из гостиной принесла зарядку для мобильного и небольшой фотоальбом. Название фотоальбома было написано по-русски – «Эрмитаж». Укладывая вещи, она вспотела. Разделась донага. Закрывая битком набитый чемодан, забралась на него верхом. Защелкнув замки, посидела немного на чемодане, как русалка на камне, затем слезла с кровати и, пиная перед собой скомканные розовые трусики, пошла в ванную.

После душа она села в гостиной за большой круглый стол, поставив перед собой кружку с заваренным из пакетика чаем. Посмотрела на часы. В запасе оставалось чуть больше часа. Можно было наспех перекусить – сварить яйцо и сделать парочку бутербродов. Кажется, в холодильнике оставался сыр. Но нет, никаких бутербродов. На дело надо идти с пустым желудком. Голодная красота – вот та сила, с которой следует пускаться в рискованные предприятия.

Ни один мужчина не разберет, какого сорта этот голод и откуда он происходит – из живота или откуда-то пониже. У мужчин очень примитивные психолокаторы. И сегодня предстоит в очередной раз это проверить. Пришло время сыграть по-крупному.

Анна окинула взглядом гостиную. Пора попрощаться с домом, в котором она прожила почти шесть лет. Было ли это место для нее настоящим домом? Трудно сказать.

В дальнем углу гостиной – пузатый шкаф викторианской эпохи, антикварная вещь, «жемчужина» интерьера. На его полочках расписные блюда на подставках, такие же старомодные и бесполезные, как он сам. У окна низкий столик с аудиоаппаратурой, рядом кресло с наушниками на сиденье. Верх кресельной подушки засален, на подлокотниках следы чего-то жирного, скорее всего, пятна соуса карри. Слева у стены тумбочка, на ней лампа с квадратным плафоном из рифленой бумаги. Около лампы фотография в проволочной рамке. На фотографии улыбающийся Стивен в жениховском наряде и счастливая Анна в свадебном платье. Невидимая рука держит у нее над головой букет роз с серебристой лентой.

В центре гостиной стол, вокруг которого шесть стульев. Анна не помнит ни одного случая, чтобы все стулья оказались заняты. В лучшем случае пустовали только два – когда в гости приходили Ник и Кэтти, друзья дома, единственные приятели, уцелевшие со времен розового букета на снимке. Все остальные, кто был на свадьбе, раскатились, как бисер по полу, и только флегматичный Ник и пышка Кэтти продолжали держаться друг за друга и за общество Анны со Стивеном.

Когда заезжали его вечно спешащие куда-то родители, за стол усаживался только отец, худощавый ирландец с ироничным взглядом, а рослая мать тяжелой поступью преследовала сына по всему дому и монотонно бубнила что-то на ходу. Независимо от содержания ее рассказа – было ли это повествование о недавней поездке на Бали или дело касалось забастовок в лондонском метро – тон ее речи никогда не менялся, всякий раз это был один и тот же занудный, назойливый, приставучий бубнеж.

Отец лукаво подмигивал невестке, что означало – сегодня за рулем супруга, можно отпустить тормоза. Анна приносила из кухни бутылку вина и пару пузатых бокалов. Пока мать с сыном наподобие паровозика с одним-единственным вагоном шествовали по дому, за столом в гостиной проходила молчаливая дегустация вина. В бутылке оставалось не больше трети, когда по лестнице со второго этажа с шумом скатывалась мать и, встав на пороге комнаты, объявляла мужу, что они жутко опаздывают. При этом никогда не говорилось, куда именно они опаздывали.

На прощанье она заглядывала Анне в глаза. Что она тем самым хотела сказать? Выражала мучительное несогласие с тем, что сын остается наедине с чужой непонятной женщиной? Едва ли. Ничего кроме высокомерия Анна в ее взгляде обычно не замечала.

После отъезда родителей она находила Стивена в маленьком дворике за домом. Он сидел на садовом стуле, обхватив голову руками. Анна подходила и гладила Стивена по голове. При этом не испытывала к нему ни нежности, ни сочувствия.

Из всех вещей в гостиной ей нравились только лампа с бумажным абажуром и круглый стол. Они были единственными предметами интерьера, которые появились при ней. Лампу она купила на уютном рыночке в Гринвич-Виллидж, а стол появился после совместного пролистывания мебельного каталога. Стивену приглянулся тяжелый, зеленовато-коричневый гигант из дуба, под стать викторианскому уроду в углу, а Анна настояла на современной модели из серого стекла и алюминиевых трубок, к которой замечательно подошли узкие стулья с высокими спинками. То, что стулья по большей части оказывались не заняты, огорчало ее только поначалу. Со временем она научилась мысленно усаживать на пустые места всех, кого ей не доставало. Чаще других ими были мать и брат, которые по-прежнему жили в России и ни разу не приезжали к ней в Лондон. Честно сказать, она и не была заинтересована в их появлении. Мать с братом олицетворяли тот мир, с которым она не хотела иметь ничего общего. Мосты

не были сожжены: раз в месяц она звонила домой, раз в год летала на родину, но это были именно гостевые поездки – никакого трепета или ностальгии во время таких визитов Анна не испытывала. Скорее наоборот – заснеженные улицы, укутанные в сто одежек прохожие, унылые обшарпанные здания и грубая толкотня в транспорте заставляли ее нервно вздрагивать и припоминать, на какое число у нее взят обратный билет.

Стивену, который до свадьбы рвался познакомиться с будущими родственниками, было категорически заявлено: «В России тебе делать нечего». Хорошо, что среди лондонских знакомых не было никого, кто посетил бы Москву или Питер, – в этом случае Анне пришлось бы сдерживать куда более сильный натиск. Все иностранцы, побывавшие в России, попадали под сильное, труднообъяснимое влияние двух главных городов ее отчизны. Со Стивеном все ограничилось тем, что из первой поездки Анна привезла ему матрешку и диск группы «Лесоповал». Матрешка Стивену очень понравилась, и он три раза подряд произвел ее полную разборку-сборку, а затем поставил на почетное место между расписными блюдами в викторианском шкафу. К прослушиванию русской музыки хоть и отнесся с энтузиазмом, но быстро увял. Зайдя как-то в гостиную, Анна увидела, что рядом с магнитолой лежит альбом Джо Кокера, а «Лесоповал» аккуратно отодвинут в сторону.

Несколько раз Стивен настойчиво требовал, чтобы родные Анны приехали погостить в Лондон. Он разворачивал на столе карту с туристическими маршрутами Хайленд и, водя пальцем по синим стрелочкам, разглагольствовал, как интересно можно провести время, переезжая по красивым окрестностям от одной винокурни к другой. Лучшей подсказки Анне не требовалось. Она нахмурила брови и призналась Стивену, что ее брат алкоголик. Соседство с такими достопримечательностями, как винокурни Хайленд, магазины дьюти-фри, а также расположенный в двух шагах от дома паб «Пиг энд Вистл» мигом приведут его в больничную палату в состоянии белой горячки. Не знает ли случайно Стивен, во что обойдется лечение упившегося брата в одной из лондонских клиник? Говорят, в Англии эта процедура стоит недешево.

Стивен, разумеется, не знал и знать не хотел. С тех пор он ограничивался лишь тем, что передавал через Анну приветы ее матери и вскользь интересовался, какая в России погода. Вопрос о погоде вызывал у Анны вспышку веселья. О причине она не распространялась, а просто отвечала «холодно» или «идет снег». Однажды ради интереса лягнула про снег в середине июля. Стивен равнодушно мотнул головой и полез в холодильник за пивом. Так Анна стала занавесом, непроницаемым и неподъемным, между лондонской жизнью ее английского мужа и непонятной далекой землей, где по бескрайним просторам круглый год метет вьюга, пляшет на ярмарке медведь и однозвучно гремит в степи колокольчик.

Реже на стульях оказывался кто-то из ее бывших. До момента знакомства со Стивеном она хорошо погуляла. Не всегда это было в удовольствие, хватало и слез, и обманутых надежд, но счастливой особенностью Анны было умение извлекать колоссальный опыт из неудач. Учиться на чужих ошибках она не стремилась, ей хотелось как можно больше испытать самой, но дважды заходить в дверь, за которой поселились проблемы, она избегала. Благодаря ее привлекательной внешности от соблазнов не было отбоя. Распрощавшись с девственностью по любви, она какое-то время находилась под впечатлением от первого чувства, а затем принялась раздвигать рамки дозволенного. Пока ее избранник, симпатичный чернявый юноша, старше ее на пять лет, демонстрировал многообразие своих переживаний – дикую ревность, вкрадчивую нежность, уязвленную гордость – она сосредоточилась на соблазне. В городе, где проживало много симпатичных девушек, ей удалось оказаться вне конкуренции. Ее лицо с восточными чертами и природная пластика, которая развилась у нее еще в детстве во время занятий танцами, действовали безотказно на всех мужчин без исключения. Глядя на нее, скрюченные старики распрямлялись, а мальчики останавливались и замирали, как околдованные. У всех промежуточных возрастов развязывался язык. Тут уж каждый старался как мог: кто

сыпал сентиментальными комплиментами, кто делал сальные предложения. Ей нравилось и то и другое, потому что за словами она видела главное – свой успех и свою силу.

Постепенно выяснилось, что все мужчины делятся на две категории: на тех, кто берет, ничего не давая взамен, и на тех, кто способен дать больше, чем взять. Первых Анна называла «вредителями» и выбирала из них только самых настойчивых, уверенных и сильных, а ко вторым относилась с бережным вниманием, хотя и замечала, что в массе своей они довольно скучная публика. Открытия следовали одно за другим: приятные происходили в отдельных кабинетах дорогих ресторанов, а о неудачах, как правило, становилось известно на приемах у гинеколога. Ей хотелось бывать в VIP-ложах ночных клубов, но тут мешал чернявый юноша со своей любовью. Он оставался ей по-прежнему дорог: красавчик, умный, к тому же первооткрыватель. Юноша жил в центре города вместе с матерью. Квартира в центре была еще одним преимуществом этого союза, а вот мать – та, скорее, относилась к недостаткам. Она обладала излишней проницательностью и вскоре заподозрила, что Анна ведет двойную жизнь. К минусам также следовало отнести слепую, дикую ревность юноши, вспыхнувшую в первые же месяцы их знакомства. Анна всегда действовала осторожно, но ведь и он был не безнадежно слеп. К тому же у него нашелся приятель, который кое-что знал, но до поры до времени помалкивал. Анна была уверена, что его молчание – могила, а он вдруг взял и проговорился.

В итоге после долгого раскачивания любви и VIP-лож на житейских качелях, любовь свалилась, а VIP-ложи остались. Чернявый юноша скрылся, соорудив заслон в виде закрытой двери, молчавшего телефона и разводящих руками общих знакомых. Анна восприняла случившееся как урок, суть которого проста: любовь – это напрасная трата времени и сил. Зато наконец-то она получила неограниченную свободу. Ловко манипулируя «вредителями» и «дарителями», она развлекалась так, как раньше ей и не снилось. Правда, и шишки она теперь набивала побольше и посерьезнее. Но и выводы дела стратегические, далеко идущие.

Постепенно обозначился главный вектор ее движения – на Запад! Но тут возникали определенные сложности. С английским у нее никогда не ладилось. В какой-то момент она решила учить итальянский. Кажущаяся простота этого языка, о которой единодушно твердили знакомые, оказалась Анне не по зубам. К тому же ее больше привлекал строгий стиль Лондона, нежели субтропическая жара Рима. Да и британская мода казалась Анне интереснее, чем итальянская.

В конце концов, она попала в Англию в компании русского авантюриста, который планировал открыть в Лондоне сеть сувенирных лавок, но неожиданно переметнулся к букмекерам, быстро прогорел и вынужден был убраться восвояси. Она осталась ни с чем – ни денег, ни друзей, ни работы. За три месяца в Лондоне к ее никудышному английскому прибавилось от силы полтора десятка бытовых фраз. Поизносившийся авантюрист предложил ей лететь с ним в Россию, но она отказалась. Каким бы жалким ни было в тот момент ее положение, она обеими ногами стояла на мостовой города своей мечты и не хотела думать ни о каком втором шансе. Главное препятствие в виде границ и расстояний было преодолено, оставалось лишь поднатужиться и... родиться заново.

Как известно, процессу рождения предшествует зачатие, для которого нужен отец. Отец требовался заботливый и в меру породистый. Не русский выжига, спускающий деньги на тотализаторе, а добропорядочный молодой англичанин. Не красавец, не олигарх – Анна умела, когда нужно, быть реалисткой – а улыбчивый простачок, который приведет ее в тихий дом на Лонгхерс-роуд, усадит в гостиной на диван, а сам подойдет к телефону, чтобы набрать номер родителей и сообщить в трубку: «Я женюсь». Таким простачком и оказался Стивен, который в одно прохладное воскресное утро имел счастье зайти в «Харродс», чтобы выбрать на юбилей матери подарок.

После расставания с авантюристом Анна работала посудомойкой в пакостном ресторане на Глостер-роуд. Платили там гроши, но зато не требовали никаких документов. Не спраши-

вали, кто ты и откуда: бери фартук, резиновые перчатки и ступай работать. Зарплату выдавали наличными, в черную, – вот тебе и законопослушная Европа! Изучение языка тоже сдвинулось с мертвой точки: команда в ресторане была интернациональная, все между собой общались на ломаном английском и, обсуждая лондонское жите-бытье, понемногу обогащали словарный запас друг друга.

С одной из поварих у Анны вышла ссора. Та как-то пожаловалась менеджеру, что в часы пик на кухне не хватает чистых тарелок. При этом нагло показала пальцем на Анну – якобы вот она, самая нерасторопная среди посудомоек. Когда менеджера вызвали в зал, Анна взяла из раковины вилку, подошла к плите и, приставив зубцы вилки к горлу поварихи, прижала кляузницу к стене. «Я бывшая серийная убийца, – проговорила она сквозь стиснутые зубы. – На мне восемь трупов в России. Если ты еще раз скажешь обо мне плохое, я истыкаю тебя этой штукой от пяток до макушки. Поняла, сука?» В тот же день повариха уволилась из ресторана, а за Анной прочно закрепилось прозвище «Killer Queen⁴». Как оказалось, нелегальное трудоустройство тоже имело свои плюсы. Здесь люди больше всего ценили не умение тереть тряпкой пол, а силу характера. На вспыхивающие конфликты смотрели с пониманием и даже интересом. Победителю прощалось все. Поверженный враг уходил навеки.

По выходным Анна отправлялась в «музеи» на Оксфорд-стрит. «Next», «Marks & Spencer», «Gap», «River Island» – за неимением денег все эти магазины превратились для нее в выставочные залы и экспозиции куда более привлекательные, чем те, в которых висели полотна Ренуара и Пикассо. Наиболее боготворимым местом был «Харродс». По его сияющим хрусталем и позолотой залам Анна ходила как по сказочному дворцу. Там к воздуху были примешаны особые молекулы удовольствия, а роскошь окутывала со всех сторон, как волшебная мантия. Раздавались негромкие голоса пожилых респектабельных леди, фонтанировали светом театральные люстры над головой, а в ювелирном отделе у искрящегося драгоценными камнями прилавка стоял он, Стивен, тогда еще незнакомый молодой человек с мягкими чертами лица и широкими плечами. Он неуверенно разглядывал кольцо, которое держал перед ним на бархатной подушечке продавец. Анна встала рядом, перехватила растерянный взгляд доброго великана и, кивнув на кольцо, сказала:

– Очень мило.

– У мамы день рождения, – объяснил Стивен.

– Мои поздравления, – сказала Анна, радуясь тому, как хорошо, без акцента ей удается говорить.

Следующую фразу Стивена она не поняла. И последующую. Но, глядя в его круглые коровьи глаза, смекнула, что от нее это и не требуется. Никто не ждет от новорожденного понимания. Все просто приветствуют его появление на свет. Из «Харродс» они вышли вместе. На юбилее тоже были вдвоем. Выходные провели в Брайтоне. А через неделю Стивен сделал ей предложение.

Родители Стивена были шокированы. Диковатая красотка, едва разговаривающая по-английски, обладательница сомнительного визового статуса, чужестранка без образования – разве о такой партии для сына они мечтали? Пусть он не хватает звезды с небес, не шагает семимильными шагами по карьерной лестнице, не обладает внешностью Марлона Брандо, но он добр, образован, трудолюбив, он один из тех, у кого со временем все получится. И вдруг «Королева-убийца»! Чего хорошего ожидать от такого союза?..

Но Стивен был так ослеплен своим счастьем, что попытки вразумить его ни к чему не привели. Отец смирился первым, отчасти потому, что и сам не мог противиться обаянию крутых бедер, высокой полной груди и осиной талии Анны. Ему, кажется, льстило, что сын отхватил такую штучку, о которой большинству мужчин приходится лишь мечтать. Жизнерадост-

⁴ Королева– убийца (*англ.*) – название песни британской группы Queen

ное и немногословное поведение будущей невестки (продолжая буксовать в английском, Анна заменяла слова улыбками) ему тоже импонировало – его собственная супруга была чересчур болтлива.

Свадьба вышла не слишком пышной. Главным украшением стала невеста в белом платье и венский вальс, который, чуть сбившись при смене вращения, под возгласы и аплодисменты гостей исполнили молодые. После свадьбы начались хлопоты по интеграции Анны в британское общество. Пять дней в неделю она занималась на курсах английского, а по вечерам они со Стивеном ныряли в интернет и внимательно изучали программы лондонских колледжей. Во время поисков учебного заведения выяснилось, что у Анны нет никаких профессиональных интересов. Она с равным энтузиазмом кивала головой и на описании курса по английской литературе и на открытую Стивеном страничку факультета астрофизики. Чуть больше Анна оживилась на описании отделения модного дизайна, но от него пришлось отказаться, так как выяснилось, что Анна не в состоянии нарисовать не только платье, но даже простую чайную чашку. Она вообще испытывала какой-то панический страх перед чистым листом бумаги. К тому же – правда, Анна не отдавала себе в этом отчета – все наряды, которые ей представлялись, уже существовали в действительности, и их можно было запросто увидеть на витринах «Харродс».

Оставив в стороне мир модного дизайна, Стивен устроил Анне экзамен по математике. Его привлекала мысль о том, что супруга может стать его коллегой. В домашней контрольной Анна не справилась с квадратным уравнением, тщетно пыталась вспомнить, что такое логарифм, и допустила позорную ошибку в таблице умножения. Таким образом, на идее финансового образования тоже поставили жирный крест. В конце концов, смотрины колледжей привели их на факультет муниципального управления – выбор, от которого Анна была не в восторге. Ей почему-то представлялось, что по окончании курса ей придется стоять на платформе метро с палочкой в руке, отдавая поездам сигналы на отправление. Образ женщин в униформе настойчиво преследовал ее, несмотря на то, что в последний раз она видела их три года назад и не в лондонском метро, а в московском.

Обучение потребовало от Стивена не только финансовых, но и интеллектуальных затрат. Хуже всего его супруга справлялась с написанием эссе. Сказывалась ее нелюбовь к преобразованию гордости и восторга в скучные тексты о водоснабжении и коммунальных тарифах. У Стивена стало садиться зрение. Окулист прописал ему контактные линзы, очки для работы на компьютере и порекомендовал проходить ежемесячный осмотр. Стивен в очках Анне не нравился. Он становился похож на сумасшедшего профессора, который вечером в гостиной, ссутулившись, настукивает на компьютере очередную заумную статью. Она стояла рядом и с трудом сдерживала желание опрокинуть чашку горячего чая ему на голову.

«Почему ты не выбрал другую оправу? – спрашивала она Стивена. – Это какое-то уродство». Харт молчал, хотя ответ знали оба: легкие, титановые оправы стоили очень дорого, а лишних денег в семейном бюджете не было. Лондонские бухгалтеры, как оказалось, не так уж много зарабатывают. С плохо скрываемым возмущением раз за разом Анна выслушивала рассказы мужа о британских налогах, которые казались ей возмутительными и грабительскими. Слова Стивена о том, что во Франции работникам приходится отчислять в казну еще больше, однажды вывели ее из себя. «В России вообще никто не платит налогов!» – выкрикнула она и сделала такой жест, словно разрубала налогового инспектора надвое.

Через два года жизнь со Стивеном свелась к неясному ожиданию перемен. Воспоминания о России вспыхивали фейерверком, окружающий Лондон серел скучливо и однообразно. Во время одиночных прогулок Анна часто приходила на Трафальгарскую площадь, усаживалась на гранитную скамью и смотрела на голубей на невзрачных серых плитах. Она вспоминала родной город, кавалеров на подержанных иномарках, сумасшедшие вечеринки с отвратительным шампанским, от которого ее мутило, заляпанные шоколадом и красной икрой диваны в

VIP-ложах. От дурного шампанского ее не раз тошнило, и она стояла, согнувшись, над унитазом в уборной ночного клуба, но даже несмотря на эту мусть и жуткие спазмы в пищеводе, ей было весело. Ее жизнь была полна безразличия к самой себе, к своим поступкам, к завтрашнему дню. Это была какая-то сумасшедшая, захватывающая гонка с огненными искрами из-под колес.

В день получения британского паспорта она снова пришла на площадь и села на гранитную скамью. Вынула из сумки заветную книжечку с золотыми львами на обложке, пролистав жесткие страницы и задумалась. Достигнута ли ее цель? Проходивший мимо джентльмен в элегантном костюме выразительно посмотрел на ее голые колени. Она попыталась перехватить его взгляд, но он отвернулся и зашагал прочь. Вечером они со Стивеном напились, обмакивая в бокал уголок книжечки с золотыми львами. А на следующий день после занятий в колледже она пришла в агентство «Мисафер». Там на нее внимательно посмотрели и предложили на выбор либо двухнедельное путешествие на Тайвань в компании пятидесятилетнего бизнесмена, либо пятидневную Вену с производителем холодильного оборудования. Точный гонорар не назвали, но намекнули на симпатичную сумму. Анна заполнила небольшую анкету, в основном антропометрические данные, и позволила себя сфотографировать выскочившему откуда-то сбоку юркому хлыщу с громадным объективом вместо правого глаза. Пообещала позвонить и сообщить о своем решении. Уходя, подумала, что даст себе на раздумья ровно один день. Но и через день, и через три ни на что не могла решиться. Какой-то густой туман окутал ее, и она плыла сквозь него, словно корабль без капитана. За последнее время в ней что-то изменилось. Раньше решения приходили сразу, падали, будто яблоки с ветки, стоило только подставить ладони. Теперь вместо прежней уверенности в голове роились трусливые сомнения, и откуда ни возьмись возникало пульсирующее, как красный сигнал семафора, слово «риск».

Злясь, нервничая, не узнавая саму себя, Анна металась по дому и гневно опрокидывала стулья на своем пути. В какой-то момент подумала, не отправиться ли ей в магазин за картами Таро? А может, поискать в газетных объявлениях предсказательницу судьбы? Но тут благоразумие вернулось к ней, и она, усмехнувшись, досадливо обругала себя «наивной слабачкой». На третий день позвонила в агентство и сказала, что выступить в роли эскорта не сможет. На том конце связи немного посокрушались и тут же предложили клиента для встреч в городе. Она согласилась.

Ее первого клиента звали Оливер, ему было пятьдесят четыре года. Его отличительными признаками были розовое лицо, табачно-мускусный запах и до смешного маленький в неэрегированном состоянии член. Оливер был специалистом по бракоразводным процессам. Он оказался вкрадчиво-тихим любителем персидских кошек и одержимо-яростным, балансирующим на грани истерики субъектом, когда дело касалось судебных заседаний и чужих постелей. Встречались они в номере отеля «Карма» на Грейт-Питер-стрит примерно раз в две недели.

За четыре месяца Анна выудила из него приличную сумму, а в нагрузку еще и признание в любви до гроба. После третьей или четвертой встречи, обставленных по-спартански, – разделись, полюбились, оделись – Оливер начал приходить с букетами цветов, с коробками бельгийского шоколада, а также намекнул Анне, что, если она только пожелает, они перенесут встречи в дорогой отель. Анна оставила все как было. Букеты она «забывала» в гостиничном номере или в такси, шоколадом угощала одноклассниц из колледжа. После восьмого или девятого букета поняла, что несчастный юрист повержен. Оливер все больше и больше терял голову, а она все яснее осознавала, что рано или поздно вокруг имени двуличного правозащитника разразится скандал, и его карьере придет конец, а их имена попадут в прессу. Подобная популярность ей была ни к чему.

На юбилейном, десятом букете из лилий и тюльпанов Анна вонзила заранее отточенный нож в сердце немолодого «ромео». Слушая ее безжалостный приговор, Оливер стоял посреди номера с расстегнутой на брюках молнией и свисающими по бокам петлями подтяжек. Потом бухнулся на колени и вырвал клочок седых волос у себя на груди. Анна пару минут слушала его мольбы, а затем шлепнула его по лысине и легкой походкой вышла из номера. Он был целиком в ее власти, и тут следовало поставить точку. В тот же день она пожаловалась Стивену, что на ее мобильный попадают по ошибке, и сменила номер. Она удалила из телефона записи с номерами Оливера, агентства и решила, что больше не ступит на эту тропинку. На следующий день самостоятельно написала эссе об организации парковых территорий в мегаполисах, погладила рубашки Стивена и приготовила ужин. Она решила, что нужно трудиться и стать лучшим в городе специалистом по муниципальному управлению. Пусть Лондон станет еще краше, и произойдет это не без ее участия. Окрыленная планами на новую жизнь, она отправилась на прогулку в Гринвич-Виллидж и купила там лампу с бумажным абажуром.

Вот она, эта лампа. Милая простецкая штуковина, за которую было отдано то ли двенадцать, то ли четырнадцать фунтов.

Стивен назвал лампу «никчемной безделухой» и отругал ее за покупку.

– Я заплатила за нее сущие пустяки, – сказала Анна.

Но он только сильнее нахмурился и ответил:

– Курочка по зернышку клюет.

Затем сел читать написанное Анной эссе. Исчеркал его вдоль и поперек. Выбросил половину, а оставшуюся часть переписал на свой лад. Анна смотрела, как он безжалостно кромсает ее сочинение, и чувствовала себя кем-то вроде Робинзона на необитаемом острове. И остров был так мал, что на нем поместились только стул и тумбочка, а из растительности – крохотная пальма с кроной из рифленой рисовой бумаги, та самая «никчемная безделуха». Анна держалась за ствол пальмы и нервно щелкала выключателем.

Вот так, в роли человека, который ведет невидимую всему свету борьбу с самим собой, она протянула еще два года: топталась на одиноком острове своих сомнений и наблюдала, как жизнь течет сама по себе, буднично гремя поездами метро, деловито стуча каблуками по Стрэнду, бесшумно хлопая дверьми заведений на Пикадилли.

Шапочка, которую предстояло надеть на присуждение степени бакалавра, Анне жутко понравилась. Она настояла, чтобы Стивен купил эту шапочку. Сколько можно брать напрокат знаковые, судьбоносные вещи? Свадебное платье тоже было взято напрокат, а это, между прочим, для девушки из России почти оскорбление... В тот раз она промолчала, но теперь хватит. Вместе с шапочкой пришлось покупать и мантию, ее потом использовали в качестве покрывала, когда ездили на пикник в Трент-Парк.

После окончания Анной колледжа Стивен расщедрился. Во время похода в памятный им обоим «Харродс» они купили Анне туфли, деловой костюм и кольцо с изумрудом. «Тебе нужно хорошо выглядеть на интервью», – объяснял Стивен, снова и снова протягивая продавцу

кредитку. Вечером он, конечно, раскаялся. Сидя за столом в гостиной, смотрел на вынутые из разных карманов чеки и белел, как стенка. Анна сидела неподалеку на «робинзоньем острове».

С того момента промотался еще один год серой лондонской жизни. Итого шесть. Шесть лет с момента приземления в аэропорту Хитроу в компании азартного авантюриста и до сцены расставания с британским мужем в кафе сегодня утром.

Анна вспомнила одну важную деталь. Оливер. Сможет ли она его найти? Ведь если понадобится улаживать дела с разводом, то лучше него ей никто не поможет. Телефонный справочник отпадает, она даже не знает его фамилии. Остается агентство. Они помогут, ведь с ними теперь у нее полюбовные отношения.

Сделав глоток остывшего чая, она встала из-за стола. Прокатила по коридору чемодан на колесиках, открыла входную дверь и вышла на улицу. Справа что-то негромко бухнуло. Соседка стояла на прежнем месте, держа в руках горшок с полуувядшей геранью. Взглянув на Анну ничего не выражающим взглядом, старуха скривила рот и швырнула горшок в мусорный бак. В баке глухо звякнуло. «Прощай, молодость», – равнодушным тоном сказала старуха. Анна стащила по ступенькам громыающий чемодан и зашагала к станции.

– Сегодня вторник, в «Пиг энд Вистл» караоке, – крикнула ей вслед старуха. – Я собираюсь исполнить песню «Любовь нельзя купить». Дурацкая группа эти «Битлз», но песня замечательная!

И сухо рассмеялась.

– Катитесь в ад, мисс Берч, – ускоряя шаг, бросила через плечо Анна.

По улице, пускаясь за ней вдогонку, прошелестел легкий ветерок.

4

Выйдя из полицейского участка, Гера остановился на каменных ступенях и подставил лицо солнечным лучам. В участке было сумрачно и прохладно. Одетый в темно-синюю форму инспектор глядел неприязненно, и Гера не мог понять, отчего его руки покрылись гусиной кожей – из-за этого хмурого взгляда или оттого, что на нем была только рубашка с коротким рукавом и хлопковые бриджи. Окно кабинета выходило во двор – ничего, кроме глухой кирпичной стены, за ним не было видно.

«Ментовские учреждения одинаковы по всему свету», – заключил Гера, стоя на нагретых солнцем ступенях. Ему вспомнилось отделение милиции в его родном городе, где он оказался несколько лет назад. Тогда на его глазах у прохожего сорвали с головы ондатровую шапку, и Гера выступал в роли свидетеля. Ему запомнились бесконечные гулкие коридоры, грязная обшарпанная дверь в кабинет следователя и сам следователь, нервный лейтенант без указательного пальца на правой руке.

И вопросы у ментов тоже везде одинаковые: имя, дата рождения, род занятий, адрес проживания, и т. д. и т. п. Даже когда дело доходит до описания происшествия, унылый тон разговора не меняется: с какой целью находились на месте события, знакомы ли с потерпевшим, сознаете ли ответственность за дачу ложных показаний? Вот бы одеть всех легавых в ярко-оранжевую форму, поставить в коридорах отделений автоматы с бесплатной газировкой, а задержанных усаживать в массажные кресла с игровыми консолями и теликом! Тогда бы сразу выяснилось, действительно ли задержанный испытывает угрызения совести, а у фараонов, глядишь, просветлели бы их хмурые лица. А то в кабинетах с видом на кирпичную стену сама жизнь начинает казаться сплошным преступлением. Да, еще задержанного хорошо бы расспросить, как он провел лето, кем мечтал стать в детстве, есть ли у него любимая пословица или поговорка. Разговор в кабинете следует начинать с партии в шашки или домино – на выбор гостя. Ну, а если кто-то решительно против того, чтобы ментовские учреждения имели жизнерадостный вид, тогда включите хотя бы симфоническую музыку и развесьте по стенам кабинетов репродукции мастеров античности и Возрождения. Вот тогда наконец узнаем, действительно ли человеку присуще чувство вины за содеянное или же его раскаяние не более чем результат воздействия на него мрачной обстановки.

Гера не испытывал ни малейшего сострадания к газетчику. Сам виноват. Нечего подставлять голову всему, что падает с неба. Сидел бы себе, не высовываясь, под полосатым навесом, и ухо осталось бы цело. После происшествия у Геры даже поднялось настроение. А что? Случилось нечто скандальное, неожиданное, чего и в помине не было в его крепко связанных с благополучной Барселоной мирных планах. Все началось три месяца назад, когда он решил заделаться дауншифтером. Ему захотелось разбить оковы, сбросить офисный гнет, ликвидировать иерархию, в рамках которой он существовал с первого дня своей трудовой жизни. Рабочая рутина стала попросту невыносимой. Стандартное в таких случаях средство, когда человек меняет место работы и на время отвлекает себя от привычного сценария, его не устраивало.

В мае ему исполнилось тридцать пять. Дата его всерьез озадачила. Большинство ровесников уже выглядели так, словно период поисков и житейских сомнений остался далеко позади. Некогда живые, стройные, бесшабашные знакомые теперь стремительно отращивали животы и разговоры вели сдержанным, подчеркнуто-серьезным тоном. Кто-то нашел себя во втором браке, кто-то выложился в карьерной гонке, наиболее меркантильные корпели над увеличением банковских счетов, и жизнь как таковая была для них ясна и не требовала проверки на подлинность. А Гера почему-то усомнился во всем, что предлагало ему будущее.

Он принял решение полностью расчистить горизонт, не оставить в поле зрения ни одного предмета, навязанного ему рутинной и чужой волей. Обстоятельства позволяли это сделать: он

был холост, имел сбережения, знал английский и находился в хорошей физической форме. Он был готов ко всему: от отдыха в благоустроенной Европе до участия в экспедиции по джунглям Амазонки.

То, что ему следует покинуть Москву, не вызывало ни малейших сомнений. Столица с ее шумом была неподходящим местом для переоценки ценностей. Правда, совсем отрываться от цивилизации тоже не хотелось. Именно по этой причине Гера отбросил варианты поездки в Азию и Латинскую Америку.

С детства он любил Киев, но по ящику непрерывно передавали, что на Украине усиливаются антироссийские настроения. Вариант визита к братьям-славянам пришлось забраковать. Месяц назад он впервые побывал в Лондоне. Город ему понравился, но сильных эмоций он там не испытал.

Продолжительное время Герины мысли парили над Калифорнией: Сан-Диего, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, но, натолкнувшись на высказывание Витгенштейна о границах языка и сознания, Гера подумал, что стоило бы отправиться не только в географическое, но и в лингвистическое путешествие.

Его манил французский язык: голос Джо Дассена, песни Милен Фармер, вечное и необъяснимое очарование Парижа. Гера направился было в книжный магазин за самоучителем французского, но вдруг услышал в автомобиле дуэт Брайана Адамса с неизвестным певцом, который пел по-испански. Геру поразила экспрессия, которая заключалась не столько в голосе или в манере исполнения, сколько в звучании самих слов, рокочущих, грубоватых. Английская партия колыхалась, как серая простыня, а испанская заставляла сердце учащенно биться. Гера вернулся домой, нашел в интернете плей-лист радиостанции и выяснил, что неизвестного певца звали Нэк. Он был итальянец, записывавший все свои альбомы на родном и испанском языках. Прозвучавшая в машине вещь называлась «Земля и небо», испанская версия.

Через десять дней после увольнения Гера, не поделившись ни с кем своими планами, никем не провожаемый, с полупустым портфелем прибыл в аэропорт Шереметьево, зарегистрировался на международный рейс и легкой походкой вошел в самолет. Новехонький «Аэробус 320» поднял его, и без того парившего над землей, на дополнительные десять тысяч метров. Через три с половиной часа самолет приземлился, а Гера так и остался на седьмом небе. Западная Европа, которая умеет быть одновременно и чинной старушкой, и сексуальной штучкой, приняла его с гостеприимным лозунгом «*Bienvenido a Barcelona!*⁵». Держа в руке портфельчик, из которого состоял весь его багаж, Гера доехал до станции метро «Площадь Каталонии» и, выйдя на улицу, чуть не задохнулся от восторга.

Он шел наугад, не придерживаясь туристических маршрутов и не занимаясь поиском достопримечательностей. План города, взятый в белой будке с надписью «*Oficina del Turismo*⁶», открыл только поздним вечером, когда пора было ехать в гостиницу. В первый день не увидел ни храма Святого Семейства, ни Готического квартала, ни набережной с ее аккуратными рядами пальм. Два часа он просидел в неприметном кафе на Гран-Виа и целый час ходил по книжному магазину рядом с Каса Мила. Всюду с наслаждением, с восторженной дрожью слушал, как разговаривают между собой местные, не понимая при этом ни слова. На следующее утро поехал в школу испанского языка, где его приняли в группу для начинающих.

Уроки в школе занимали всю первую половину дня. В два часа Гера обедал и отправлялся гулять по городу. Он редко посещал музеи и выставки, его увлекала простая будничная жизнь. Сидеть на лавочке в парке Сьютаделья, разглядывать публику, в которой перемешаны родители с колясками и туристы со всего света, было намного интереснее, чем сквозь призму художественных творений пытаться увидеть минувшее с давно перемолотыми в прах героями.

⁵ Добро пожаловать в Барселону (*исп.*)

⁶ Информация для туристов (*исп.*)

В один из дней Гера отправился в кино. Он взял билет на испанскую комедию и уселся в первом ряду с баночкой колы в руке. Когда начался фильм, Гера не смог разобрать ничего из того, что говорили актеры, но смеялся вместе со всем залом. Радость и счастье переполняли его.

Спустя месяц на курсах обновился состав студентов. Из прежних остался американец Чарльз, заброшенный в Барселону из Оклахомы с миссионерским заданием от какой-то религиозной организации. Уехала золотоволосая шведка Лола, попрощался с новыми друзьями рослый норвежец Фритьоф, отправился домой в Варшаву смешливый поляк Северин. На смену им прибыли две сестры-болтушки из Швейцарии, Мартина и Алина, монументальный немец Гюнтер и черноокая бразильянка Сильва.

Учиться в новом составе стало еще интереснее. Несмотря на то, что Чарльз частенько сбивался на спанглиш, а Сильва временами путала испанские слова с португальскими, в группе наконец-то зазвучала связная испанская речь. От куцых фраз перешли к диалогам, закрыли темы числительных, названий месяцев и дней недели, артиклей и местоимений. Основательно взялись за главную пружину испанского языка – глагол.

Русских, кроме Геры, на курсах не было. Это обстоятельство его очень радовало. Изучая город и осваиваясь в испанском, Гера не забывал про главную цель своей поездки, с достижением которой не все обстояло благополучно. Сорвав офисный ошейник и сменив переполненную глупостями отчизну на просчитанную, продуманную Европу, Гера ощутил радость полета, но полет этот со временем стал терять высоту. Нервотрепка исчезла, но вместо нее появилась пустота. В голове не возникало новых идей. Гера все чаще ощущал себя частью некоей системы, которая складно функционирует вне зависимости от его присутствия. Снова и снова возвращаясь к вопросу, что для него главное и как он собирается осуществлять ту цель, которую еще только предстоит сформулировать, он утыкался мыслью в стену, а взглядом в пустоту. Единственный вопрос, который не волновал его, был вопрос денег. Сбережений хватило бы еще на полгода вольной жизни. За это время он надеялся хорошенько отдохнуть, проветрить голову и разделаться с беспокойством, преследовавшим его на родине.

Нервотрепка так прочно ассоциировалась у Геры с Россией, что он избегал любых встреч с соотечественниками. Заслышав родную речь в магазине или на рынке, уходил, не сделав покупок. Обнаружив, что в кафе зашли русские, внутренне сжимался и начинал уплетать обед с удвоенной скоростью. Затем исчезал, не оставив чаевых из досады, что заведение посещают «наши». Но чаще всего он был не в ладах с самим собой перед сном, когда воспоминания о пролетевшем дне свидетельствовали, что Гера ни на шаг не приблизился к ответу на главный вопрос: куда он направляется со свободой в голове и Барселоной под ногами? В чем заключается отличие между полной свободой и колоссальной растерянностью?

Парадоксальным образом получалось, что за приятно проведенным временем как раз и стоит та самая пустота. Через какое-то время из этой пустоты полезли вечные вопросы бытия, которые Гера всегда считал признаком тупика. На горизонте замаячило отчаяние. Тогда вместо того, чтобы сражаться с упрямыми «кто я», «зачем все» и «что есть истина», Гера редуцировал ползущую из пустоты нечисть и получил простое решение, с которым можно было сладить в реальной жизни. Загадок из разбитого магического кристалла насыпалось – целый мешок! Гера их тщательно перебрал, отсеял несущественную мелочь, выстроил причинно-следственные связи и установил, что вся мировоззренческая проблематика сводится к одному единственному фундаментальному вопросу: чем заниматься? На какое-то время ему стало легче дышать. Горизонт расчистился. Гера грыз испанский, намереваясь не останавливаться до тех пор, пока не одолеет без перевода «Сто лет одиночества» или «Улей».

Закончился август, жара спала. Гера побывал в Валенсии. Там ему понравился парк, расположенный в бывшем русле реки. Он проходил под старинными мостами и ощущал себя кораблем, который заходит в долгожданную гавань. В один из дней решил поднять железный занавес, опущенный после отъезда из России, и позвонил Андрею, бывшему коллеге.

– Ты где? – поинтересовался Андрей.

– В Барселоне.

– Давно?

– Уже третий месяц.

– Отдыхаешь?

– Отдыхаю.

– Красавчик. А у нас тут такое творится!

– Послушай, у меня к тебе будет одна просьба – о работе ни слова!

– Хорошо, как знаешь. Ты надолго в Испании?

– Еще не решил. Виза до конца декабря.

– Не скучно там? Испанцы вроде не слишком веселый народ.

– Нормальный. У меня тут пара неплохих знакомых.

– Серьезно? И кто они?

– Одного зовут Человек-Ветер.

– Как?

– Человек-Ветер.

– Полезное знакомство. Кстати, знаешь, что я думаю? Нам скоро всем может понадобиться его помощь. Потому что еще чуть-чуть, и задует так, что полетят клочки по закоулочкам! Надвигается катастрофа, без шуток. Никто из нашего брата не уцелеет! Так что пора учиться летать быстрее ветра.

– Не понимаю, о чем ты.

– Да как о чем! Ты что, действительно не в курсе дел? Даже новости не читаешь?

– Не читаю. Я же говорю – отдыхаю. И прошу тебя...

– Ну, знаешь... Мне бы твое спокойствие.

Разговора толком не получилось. Одного пучило от жутко важных новостей, другой упорно не желал слушать о бизнесе. В офисе всегда что-то происходит. Пробежал слух о возможном поглощении компании – вот и готова тема для разговоров на целую неделю. На ресепшене появилась новая девочка с третьим размером под блузкой – новость мирового масштаба. Однако звонок навел Геру на одну не слишком приятную мысль. Получалось, что он не просто отдыхает, не заглядывая ни в телек, ни в газеты, а повернулся задом ко всему обществу. Хотя в то же время он продолжает пользоваться благами, которые это общество производит. Какая-то стариковская роль! И что с того, что это роль обеспеченного и любознательного старика? Не рано ли тебе отправляться на покой, Герард Александрович Сердцев?

Во что бы то ни стало следовало найти новую точку приложения своих усилий. Испанский язык – это хорошо, но что дальше? Как ни крути, а обучение – процесс потребления, и в этом смысле мало чем отличается от еды или шопинга. За столом насыщается твой желудок, в учебном классе – интеллект. Пора было задуматься о производственной фазе.

Утром того дня, когда газетчик потерял свое ухо, Гера проснулся в отвратительном настроении. Помимо того, что во сне что-то непрерывно взрывалось и падало, откуда ни возьмись возникло чувство жуткой подавленности. Такие беспричинные провалы Гера, считавший себя эмоциональным человеком, предпочитал переживать сидя в глухой обороне. Следовало неторопливо спуститься в холл, съесть в гостиничном кафе яичницу, выпить чашку кофе, а потом вернуться в номер и, завалившись с книжкой в постель, никуда весь день не выходить. Рано или поздно депрессия отступит, и беззаботная улыбка вернется на свое законное место. Но тут Гера вспомнил, что именно сегодня в школе намечено занятие по субхунтиву, наиболее таинственному явлению испанской грамматики. Поэтому он не стал раскисать, оделся, спустился, съел, запил и отправился дальше. По дороге увидел, как машина сбила собаку. Здороваясь на входе с ресепшионисткой, заметил ее заплаканные глаза. На перемене стал свидетелем того, как Чарльз вдребезги разбил, уронив на кафельный пол, новенький смартфон. Похоже,

что весь мир в этот день заиклился на дурных событиях. После занятий Гера решил спрятаться от разгневанной фортуны где-нибудь в малолюдном уголке. Крыша Каса Мила оказалась ему подходящим местом, к тому же он там еще ни разу не был. Купив билет, Гера зашел в лифт, поднялся на самый верх, и через автоматические двери попал на крышу. Побродив среди каменных изваяний с формами такими же загадочными, как испанский субхунтив, решил позвонить Андрею.

Судя по загробному голосу собеседника, легко было понять, что день сплоховал не только в Барселоне. На вопрос: «Как поживаешь, старина?», Андрей ответил:

– Катастрофа. Все, как я и предполагал.

– Что случилось?

– Сегодняшний день войдет в историю. И знаешь, далеко не лучшим образом. Два черных вторника у нас уже были, сегодня, похоже, третий.

– Постой! Ты, кажется, забыл о моей просьбе.

– О какой еще просьбе?

– Мы не говорим о работе!

– Не говорим о работе? Не знаю, насколько это сегодня возможно. Я, кажется, даже во сне теперь буду бредить работой.

– Во сне делай, что хочешь, а наяву давай поговорим о хорошем. У меня, кстати, тоже сегодня не слишком симпатичный день. Утром видел, как собаку переехало машиной.

– Боже, Гера, да ты в каких-то розовых облаках витаешь! Тут весь мир летит в тартарары, а он – собаку переехало!

– Собаку все-таки жалко. Она тоже была частью мира. А если говорить об облаках, то они здесь не розовые, а сливочные. Очень пышной формы. И одно действительно недалеко, прямо над головой.

– Ты там что, на пляже валяешься?

– Нет, ты же знаешь, я к пляжам равнодушен. Забрался на крышу. Тут есть одна замечательная крыша, с нее восхитительный вид на Барселону.

– Не дразни меня! Я тоже, черт возьми, хочу смотреть на Барселону, а не на эти проклятые мониторы. Задолбала работа! Одни нервы. Слушай, а может забить на все и рвануть к тебе в Барселону?

– Приезжай! Будем вместе учить испанский. Через месяц заговоришь, как Сервантес. И с Человеком-Ветром тебя познакомлю.

Они заговорили о том, как здорово было бы встретиться в Испании, вместе погулять по Барселоне, выпить вина в ресторане с видом на Средиземное море, скататься на Ибицу, посетить Музей Сальвадора Дали... Но вскоре Андрей вспомнил, что обещал жене и дочке поездку на Красное море в ноябре. Барселона в семейные планы никак не укладывалась. Да и что он скажет дома? Решил снять стресс, отдохнуть от работы, а заодно и от вас, родные мои? Скандал. Развод. В общем, не получится. Как-нибудь в другой раз. Потом. В следующей жизни.

Спрятав телефон в карман, Гера нахмурился. То, что происходило на работе и о чем неоднократно пытался поведать ему Андрей, все же вызывало интерес. В России у него осталось одно дело, которое Гера начал и не завершил, рискнув довериться обстоятельствам. Чем неожиданнее были обстоятельства, тем любопытнее мог оказаться результат. Трудно было поверить в очередной черный вторник, в особенности зная привычку Андрея сгущать краски, но все же не мешало держать руку на пульсе и хотя бы изредка заглядывать в газеты или интернет. Но как же отдых? Как быть с запретом, который Гера со злорадным удовольствием наложил на офисную рутину и все, что с ней связано?

Не зная, как разрешить возникшее противоречие, Гера достал из кармана монетку. Выпадет орел – значит, следует пойти в киоск за свежим номером «Экономиста», решка – беззаботные каникулы продолжаются. Интересно узнать, что думает случай по поводу добровольного

отлучения от мировых проблем. Гера щелкнул пальцами, и как только монетка упала на ладонь, показав гирлянду звезд и флаг Евросоюза – орел – он понял, что не хочет идти в газетный киоск, не хочет покупать ни «Экономист», ни «Бизнес Уик», не желает слушать язык чисел, графиков и экономических терминов. Он так счастлив в своем иберийском раю, на далеком каталонском берегу, в милой Барселоне, что предпочтет роль изгоя, тем более, как ни крути, она не вечная. Разозлившись на глупый случай, на Андрея, на тускло-желтую монетку, на себя самого за то, что позволил сомнениям развернуть флаги, он швырнул монетку вниз и принялся рассматривать воздвигнутую на крыше гигантскую каменную гребенку, напоминавшую строй безруких богатырей в остроконечных шлемах. Монетка улетела, чтобы вскоре вернуться – и не в одиночку, а в компании с молодежью, перетянутым ремнем и портупеей полицейским.

Чем грозит покушение на ухо газетчика, в полиции не сказали, но Гера догадывался – скорее всего, вышлют из страны и аннулируют шенгенскую визу. В таком случае переезд в любую из соседних стран ему заказан. Возвращаться в Россию? Ни в коем случае! В паспорте стояла британская виза, достижения в испанском позволяли задуматься о далеких и заманчивых краях – Венесуэла, Аргентина, Чили. Хорошо быть свободным человеком с суммой средств, достаточной для любого путешествия! Счастлив тот, кому хоть однажды в жизни удалось исполнить роль вольного стрелка! Да здравствует круглый земной шар с бесконечным простором обитаемой суши на нем!

На набережной Гера уселся на террасе туристического ресторанчика с видом на Аквариум и принялся рассматривать стоявшие у причалов яхты. Подошел официант, улыбочивый юноша с блестящими от геля черными волосами. Гера заказал бокал сангрии и окинул взглядом террасу. За одним из столиков сидела пожилая пара – мужчина с мясистым лицом в очках на шнурке и его спутница с пышной седой прической, похожей на облако с размытыми краями. За другим столом – молодая мама с двумя детьми. То мальчик, то девочка по очереди съезжали со стульев и начинали ползать по полу на четвереньках. Мать вскакивала и водворяла детей на место.

Больше в заведении никого не было. В последние дни туристов сильно поубавилось, всего неделю назад Гера прогуливался здесь, в Старом порту, и видел заполненные посетителями залы ресторанов. Но сезон заканчивался – на календаре было начало октября.

Официант принес сангрию. Бокал оказался размером с небольшой аквариум, и плавающие в вине кусочки ананаса, яблока и апельсина напоминали разноцветных рыбок. Гера сделал глоток и подумал, что ему будет жаль покидать Испанию. Может, все еще обойдется? Выяснится, что газетчик – нелегал или что он вел торговлю без лицензии? Тогда безухий сам пустится в бега, не дожидаясь, пока ему восполнят моральный и физический ущерб. А без пострадавшего полиция не сможет предъявить обвинение.

По тротуару вдоль террасы сутулый латиноамериканец катил двухколесную тележку, направляясь к небольшой площади, где торговали сувенирами. Гера вновь посмотрел на стоящие бок о бок яхты. Одна была парусная, все остальные – моторные. По широкой палубе парусного судна ходили в закатанных до колен штанах матросы, время от времени задирая головы к мачтам и небу. Остальные яхты напоминали закрытые с ночи модные магазины. Застывший фейерверк роскоши и великолепия.

Одно из моторных судов привлекло внимание Геры больше остальных. Нижняя часть корпуса была битумно-черного цвета, чернее, чем волосы официанта. По всей длине яхтенного низа лениво скользили солнечные блики. Окна белоснежной надстройки были выполнены из зеркальных стекол такого же непроницаемо-черного цвета. По верхнему краю борта шла красновато-древесная окантовка, а над ней – золотистые поручни. В целом яхта напоминала игрушечную модель – хотелось вытянуть руку, взять ее двумя пальцами и поднести к лицу, чтобы хорошенько рассмотреть со всех сторон.

Гера сделал пару глотков вина. Холодная сангрия приятно освежала и наполняла тело легкостью, а голову дурманом. Молодая мама заплатила по счету и направилась к выходу, волоча за собой упирающихся детей. Старички продолжали сидеть, тихо переговариваясь. На дальнем конце террасы появились новые посетители. Гера не стал их рассматривать. Он выудил из бокала кусочек ананаса, разжевал его и принялся пропускать через фруктовый фильтр струйки вяжущего напитка. Когда в винном аквариуме осталось меньше половины, руки и ноги стали невесомыми, а зрение обострилось настолько, что Гера смог прочитать названия яхт, стоявших у причала, он стал произносить вслух: «Princess Valentina», «Air», «Kokomo», «Habibti⁷». Последнее название было написано латиницей, стилизованной под арабскую вязь. Имя яхты с черным корпусом разобрать не удалось, и Гера окрестил ее «глянцевой штучкой».

Официант принес счет на пятнадцать евро. Гера молча выругался. За три-то месяца пора бы научиться обходить туристические заведения стороной!.. Оставив два евро сверх счета, он вышел из ресторана. Его прилично пошатывало. Старательно обогнув газон с цветами, он пересек пешеходную дорожку и оказался на причале. На минуту задержался у «Принцессы Валентины», разглядывая сервированный роскошной посудой стол на корме и напольные вазы с изображениями драконов по краям кормовой площадки. Затем двинулся дальше и напротив «глянцевой штучки» прочитал на заднем борту ее название – «No Escape».

За дверьми, отделявшими палубу от салона, раздались голоса. Двое мужчин громко вели беседу на незнакомом Гере языке. Черные непроницаемые стекла дверей скрывали говоривших. Половинка зеркальной двери бесшумно открылась, и на палубу вышел коренастый крепыш лет пятидесяти в белом кителе с незажженной трубкой в руке. Он строго посмотрел на Геру, примял большим пальцем табак и, достав из кармана белых брюк зажигалку, закурил. Гера поприветствовал его на испанском.

Крепыш молча кивнул в ответ и выпустил изо рта струйку табачного дыма.

– Красивое судно, – продолжил Гера.

Крепыш покачал головой. Ткнув себя в грудь мундштуком, он произнес: «Dutch⁸». Гера перешел на английский. По-английски крепыш разговаривал достаточно бегло. Звали его Хук, он был капитаном яхты.

– Любите плавать? – поинтересовался Хук.

– Не знаю. Ни разу не выходил в море, – ответил Гера.

– Как так? – удивился капитан. – Все испанцы – прирожденные мореплаватели.

– Я не испанец, – рассмеялся Гера. – Я тут на отдыхе.

– Откуда вы? – деловито поинтересовался капитан.

– Из России.

– О, Россия! – воодушевился Хук и выпустил паровозную струю дыма. – Я знаю, Россия – богатая страна! У русских много денег, и они покупают дорогие, хорошие яхты. Я очень хотел бы поработать с русскими клиентами!

– А как насчет этой яхты? – спросил Гера, указывая на корму «No Escape». – Кому она принадлежит?

– Не могу сказать.

– Понимаю. Но сколько она стоит, это не секрет? Русскому по карману? – продолжил Гера.

Хук задумался, не обращая внимания на шуточный тон своего собеседника.

– На эту тему нужно разговаривать с владельцем, – наконец сообщил он. – Без его разрешения я даже не могу пригласить вас на борт. Но даю слово, яхта очень хорошая. Двадцать шесть метров, два двигателя по две тысячи сил каждый, роскошные каюты. Максимальная

⁷ «Принцесса Валентина» (англ.), «Дуновение» (англ.), «Кокомо» (имя собств.), «Милая» (араб.)

⁸ Голландец (англ.)

скорость – тридцать три с половиной узла! Серьезное, достойное судно. Хотите, я поговорю с владельцем – возможно, он заинтересуется вашим предложением.

Гера хотел было сказать голландцу, что он ничего не предлагает, что у него и в мыслях не было прицениваться к яхте – к этой или какой-нибудь другой – но ему вдруг показалось забавным, что его принимают за одного из тех русских мотов, которые слоняются по всему миру и играючи приобретают то здесь, то там яхты, спорткары, пятизвездочные отели, коллекционное шампанское, футбольные клубы – и все по баснословным ценам. Он решил поддержать игру и сказал капитану, что пользоваться услугами посредников обычно не в его правилах. Хук несколько обиделся на «посредника» и, скосив темно-кофейные глаза вверх и в сторону, сердито пыхнул трубкой. Затем попросил у Геры визитку.

– Что? Вам нужна моя визитка? – переспросил Гера, презрительно скривив рот. – Пардон, но я не какой-то сраный клерк из офиса. Я свободный художник. К черту визитки!

Разговор закончился тем, что капитан записал номер Гериного мобильного в своей крохотной записной книжке, которая целиком уместилась на его широченной ладони. Гера дождался, пока записнушка исчезнет в кармане белых брюк, попрощался с капитаном и зашагал прочь, стараясь не шататься – его по-прежнему штормило после гигантского бокала сангрии.

У сувенирных рядов он достал телефон, набрал номер и без приветствия сказал в трубку: «Сеньора Корона, давай встретимся». В трубке что-то затараторили, но Гера отстранил телефон от уха и с улыбкой проводил взглядом симпатичную девушку в легком платье, под которым виднелись контуры нижнего белья. Снова приблизив трубку, он сказал: «Я еду», – и нажал «отбой».

Через двадцать минут Гера вылез из такси на одной из улиц района, где проживают дамы нетребовательных нравов. Около подъезда серого четырехэтажного дома с маленькими окнами нажал кнопку с номером квартиры. Ему открыли, не спрашивая. По истертым ступеням он поднялся на последний этаж и толкнул входную дверь справа от лестничного пролета. В нос ударил густой аромат восточных благовоний. «Сеньора Корона!» – позвал он, стоя в коридоре, заставленном вещами, среди которых преобладал обветшалый цирковой реквизит. Тут были два одноколесных велосипеда с покрытыми пылью рулями, на вешалке висел плащ со звездами, местами оборванными, а на полу у стены стоял ящик, судя по размерам и отверстиям в боковинах, тот самый, в который укладывают человека, прежде чем распилить его пополам.

В коридор выходили двери трех комнат. В одной жила сеньора Корона, в другой ее подруга по цеху сеньора Розетта, а в третьей – не кто иной, как великий маг и волшебник, чародей в третьем поколении, единственный из смертных, заглянувший за грань реальности, знаменитый чтец мыслей на расстоянии, несравненный Дариус Бестиариус. Все, что касается Дариуса, Гера в очередной раз прочел на афише, прикрепленной к двери комнаты мага. На афише стояла дата пятилетней давности.

«Примчался, чокнутый русский!» – прозвучало у Геры над самым ухом.

Он обернулся. Сеньора Корона неслышно вышла из ванной и встала рядом с ним, растягивая на пальцах резинку для волос. На ней был блестящий халат из золотисто-серебристо-рубиновой ткани, а ко лбу был приклеен красный кружок конфетти.

«Ты мешаешь мне медитировать», – сказала сеньора Корона и пошла по коридору, раскачивая бедрами так, что задела прислоненный к стене велосипед. Гера последовал за ней в комнату. Там было все по-прежнему. На стене висел коврик с изображением Будды в цветах, рядом – постер группы «Металлика». Низкий столик около бугристого дивана был уставлен баночками с косметикой и бронзовыми фигурками кобр, слонов и обезьян. Половину стены напротив дивана занимал громоздкий шкаф, так густо обвешанный одеждой снаружи, что самого шкафа почти не было видно. Сеньора Корона уселась на диван, подогнула под себя ногу и убрала со лба выбившуюся прядь крашенных волос.

– Расценки изменились, – сказала она, испытующе глядя на Геру. – Теперь в полтора раза дороже.

– Ты грабительница, сеньора Корона, – ответил Гера и сел на диван напротив нее. – Впрочем, это только разжигает мой интерес. Ладно, согласен. Доставай.

Сеньора Корона наклонилась и вынула из-под дивана коробку с шахматами. Она высыпала фигуры в диванную ложбинку, установила клетчатую доску на твердой плоской подушке и напомнила:

– Сегодня моя очередь играть белыми.

– О'кей, – согласился Гера и принялся выстраивать на доске фигуры.

Сеньора Корона справилась с расстановкой первой и, дождавшись, пока Гера закончит, выдвинула вперед королевскую пешку.

За игрой Гера рассказал сеньоре Короне историю отрезанного уха. Одновременно с ходом слона на g4 он посетовал, что его могут выслать из страны, и тогда их сегодняшняя шахматная партия окажется, увы, последней.

– Не волнуйся, тебя не вышлют, – успокоила его сеньора Корона. – Тебя посадят за решетку. Года через три мы продолжим игру. Главное, не забыть счет. Напомни, чтобы я записала. Бумажку уберу вон в ту шкатулку.

Гера произвел короткую рокировку.

– Как ты думаешь, в испанской тюрьме очень плохо? – спросил он.

– Не знаю, – сказала сеньора Корона и двинула в атаку коня. – Если хочешь, могу поинтересоваться.

– У кого?

– У Дариуса. Он отсидел пять лет.

– Вот как! За что?

– Нанесение тяжких телесных. Избил воздушного гимнаста – сломал ему восемь ребер, откусил палец и еще пробил голову.

– С ума сойти! Чем бедняга-гимнаст так перед ним провинился?

– Он клеился к его ассистентке Читололе. Тебе шах!

– Жуткая история! А знаешь, что мне подумалось? Ведь иллюзионист за решеткой – это, пожалуй, самый худший из когда-либо демонстрировавшихся фокусов.

– Как сказать. Для Дариуса гораздо хуже было узнать, что пока он парился на нарах, Читолола спелась с тем самым гимнастом. Правда, когда Дариус вышел, она к нему вернулась, но, увы, ненадолго. Его не взяли обратно в цирк, он оказался не у дел, а ей хотелось и новых платьев, и новых выступлений. Так она познакомилась с Магнифико Хефе, старым конкурентом Дариуса.

– Бедный Дариус! Стоило ли ломать человеку ребра, чтобы лишний раз убедиться, что мир полон коварства и женских измен. Сеньора Корона, кажется, ты загнала меня в угол...

– Не кажется, а загнала. Забыл, с кем имеешь дело? Сдавайся!

– Нет, я еще немного потрепыхаюсь. И чем теперь занят Дариус?

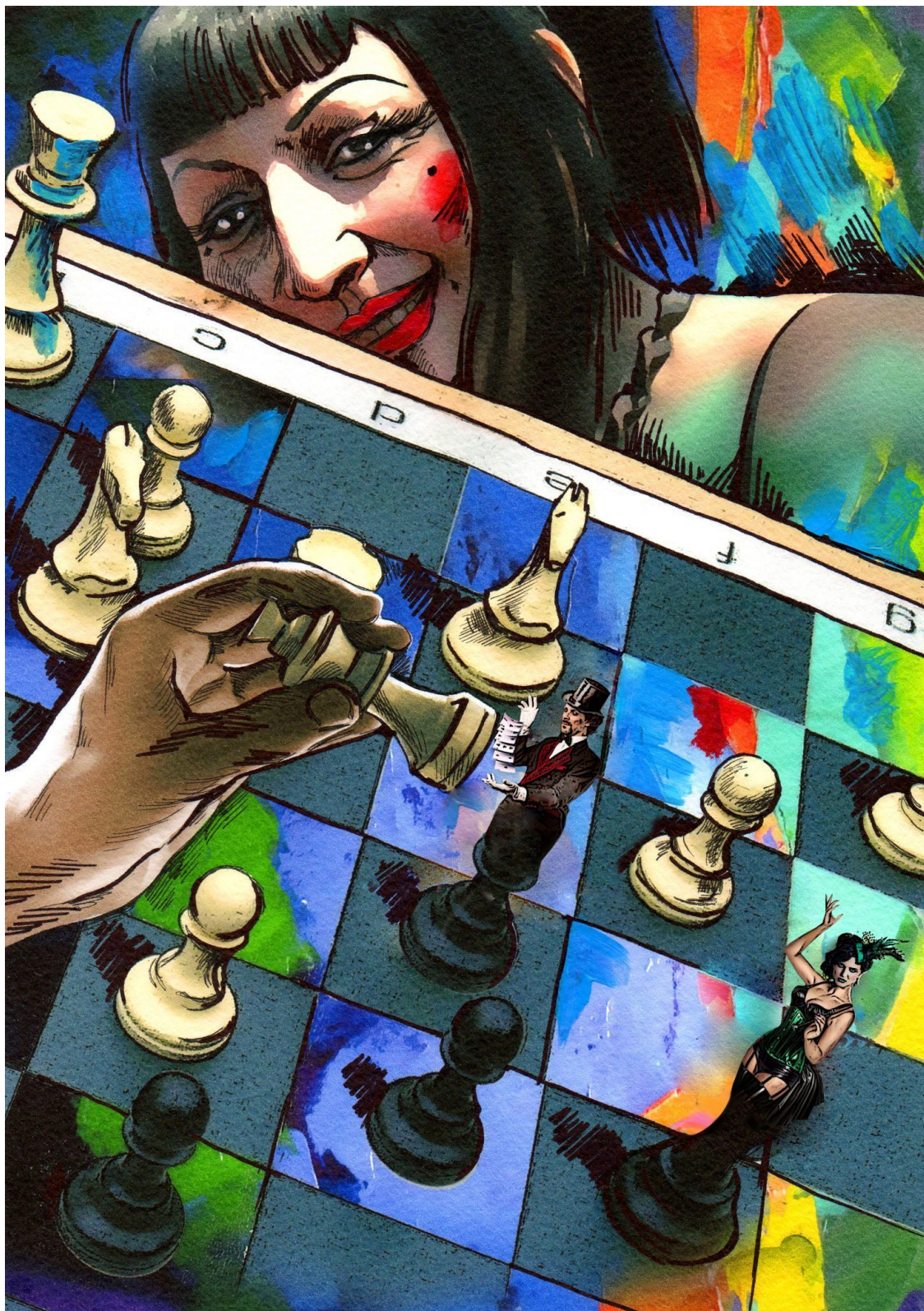
Сеньора Корона усмехнулась.

– Неужели не догадываешься?

– Ни малейшей идеи.

– Он сутенер.

Гера присвистнул.

– Вот так финал цирковой карьеры! Не слишком здорово для чародея в третьем поколении.

– Старый дурень еще надеется вернуться на арену. Поэтому мы и живем среди циркового хлама. Вчера Розетта разбила в коридоре ногу об ящик, будь он неладен! Тебе, Гера, маг.

Сеньора Корона отпустила головку белого ферзя и взялась за пилочку для ногтей. Гера три раза мягко хлопнул в ладоши.

– Блестящая комбинация, сеньора Корона, мои поздравления! А я сегодня как-то не в ударе, – сказал он и полез в карман за деньгами.

– Может, хочешь еще чего-нибудь? – спросила сеньора Корона, не отрывая взгляда от краешка розового ногтя.

Гера застыл с рукой в кармане.

– Чего именно?

– Что-нибудь на десерт, – усмехнулась она и отвела в сторону полу халата. Гера увидел под ним черный треугольник волос и жирные складки живота.

– Нет, спасибо. Может быть, в другой раз. Я не в настроении, – ответил Гера, протягивая ей сложенную пополам купюру.

– Да ты вечно не в настроении. Впрочем, это твое дело. Лучше посмотри-ка сюда! – сказала сеньора Корона, сминая в пальцах взятую у Геры купюру и упрятывая ее в кулак. – Дариус научил меня одной штуке!

– Только, пожалуйста, без пиротехники, – попросил Гера, скосив глаза на раскачивающийся у его носа кулак. – Не хочу уйти от тебя с подпаленными бровями.

– Дуй! – приказала сеньора Корона, тряся кулаком в воздухе.

Гера тихонько дунул.

– Сильнее! – вскрикнула сеньора Корона, подпрыгнув на диване.

Гера набрал полные легкие воздуха и дунул так, что у него на мгновение потемнело в глазах. Кулак разжался, ладонь была пустой.

– Блестяще! – похвалил Гера и резко дернул рукав золотисто-серебристо-рубинового халата вниз, обнажая руку сеньоры Короны до локтя. Он был уверен, что на запястье или чуть ниже на руке прикреплена резиночка, и за ней – деньги. Но ни денег, ни резиночки под халатом не было. Трюк оказался не так прост. Гера нагло запустил руку в рукав халата, пошарил там, приподнял бедро сеньоры Короны и даже заглянул ей в разрез халата, но нигде не смог обнаружить исчезнувшую бумажку.

– Ловко! – воскликнул он. – Где же деньги? Ты куда их дела? Признавайся!

– Денежка исчезла, – спокойно сказала сеньора Корона, глядя на Геру с пророческим прищуром густо накрашенных глаз. – И тебе, Гера, нужно исчезнуть. Иначе засадят тебя, сладкое сердце, в кутузку, и тогда прощай веселая жизнь! И шахматы.

Она подошла к окну и включила электрический чайник на подоконнике. Предложила Гере каркаде, но Гера отказался. Чад ароматических палочек вызвал у него головную боль и, попрощавшись, он поспешил выйти на улицу. Покидая обитель двух проституток и отставного фокусника, он вдруг отчетливо осознал, что принятое им три месяца назад решение сменить обстановку, пожалуй, послужило достижению поставленной цели. Барселона, курсы испанского языка, шахматный турнир с бывшей чемпионкой женской гимназии, а ныне – впрочем, тут можно не продолжать, – и вот теперь этот бедный газетчик... А что если это только начало и, если он вовремя не остановится, дальше пойдет такое, что не привидится даже в фантастическом сне? Вдруг впереди его действительно ждет суд, приговор, тюремная баланда и мрачные сокамерники с наколками «Vida dura⁹» на фалангах волосатых пальцев? Вот так прогулка в Европу! От таких мыслей Гере стало жутковато, но он сказал себе стоп, не дрейфь, положиись на свою интуицию, она подскажет, когда сворачивать весь этот пиренейский балаган. Главное, внимательно слушать внутренний голос и следовать его распоряжениям.

После душевной комнаты и проигранной партии у Геры туманилось в голове, и он решил пройти пешком, чтобы проветриться и поглазеть на вечернюю жизнь города, такого знакомого и в то же время до странности ему чужого.

⁹ Жизнь трудна (исп.)

В ту самую минуту, когда в Барселоне завершилась шахматная партия, продолжившая серию игр, начатую Герой и сеньорой Короной еще в середине августа, Анна под шум толпы шла через здание вокзала Чаринг-Кросс, увлекая за собой сиреневый чемодан на колесиках, а Стивен беззвучно плакал, запершись в кабинке уборной на восемнадцатом этаже офисного здания в лондонском Сити. В одном кулаке он сжимал мокрую от слез бумажную салфетку, в другом – обручальное кольцо своей супруги, уверенно шагавшей в тот момент через здание вокзала. И был еще некто Марк, мужчина с красивыми кудрями, в которых начинала пробиваться первая седина. Этот самый Марк сидел сейчас в удобном кресле, потирая руки в предвкушении приятного вечера, хотя, откровенно говоря, в последнее время у него было больше поводов для беспокойства, чем для радости, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе...

Пружина истории сжималась, невидимо для всех четверых – неумолимо, с упрямой настойчивостью и с неотвратимыми последствиями.

5

Анна подкатила сиреневый чемодан к входу отеля «Эксельсиор» на Уайтхол-плейс. Не успела она коснуться изогнутой бронзовой ручки в форме ящерицы, как дверь сама распахнулась перед ней. Анна увидела шуплого швейцара, смуглым лицом и маленьким ростом напоминавшего цирковую обезьянку в лиловом наряде. Швейцар держал дверь обеими руками. Она зашла и с первым же шагом ощутила, что вступает в свой мир – туда, где небрежно сияет ошеломительная роскошь, где ветерок доносит аромат сигарного дыма, где матово поблескивает запонка на манжете постояльца, где мраморный пол отчетливо звучит под каблуками.

Здесь было гораздо круче, чем в «Харродс», потому что в «Харродс» люди приходили, чтобы, заплатив за кусочек роскоши, с тихим ликованием унести его домой, а здесь обитатели круглосуточно жили по золотому стандарту бытия – и в ресторане с полутораметровыми картинами на стенах, и в холле с огромными кожаными диванами, и в коридорах, где мягкие ковровые покрытия скрадывали звуки шагов, и в шикарных номерах, где громадные кровати были выполнены, как и весь интерьер этого отеля, в стиле «титанический ампир».

Словно рыба, побывавшая в садке и снова выпущенная в родной водоем, словно засидевшаяся на дереве рысь, решившая стремительно пробежать по знакомому лесу, Анна привела свои чувства в полную боевую готовность. В тот же момент она ощутила, что дверь за спиной отделяет ее не столько от улицы, сколько от массы условностей, которые так долго мешали ей жить и дышать. Оставив чемодан, уверенно пошла через холл. Не пытаясь найти взглядом человека, с которым у нее была назначена встреча, она просто шла, повинувшись командам внутреннего навигатора. Подойдя к невысокому подиуму с низеньким стеклянным столиком на львиных лапах, попиравших восточный ковер, она узнала лицо, которое ранее видела только на фотографиях в «Мисафер». Тонкий нос, темные кудрявые волосы, широко разлитый по щекам румянец, доходивший до самых глаз, выдвинутый вперед треугольный подбородок. Да, это Марк.

Раскинув руки поверх спинки дивана, закинув ногу на ногу, он разговаривал с плюгавым человечком в черном костюме, сидевшим перед ним в такой скованной позе, что, казалось, под ним не необъятных размеров кожаное кресло, а жесткая тюремная табуретка. Марк посмотрел на Анну и тоже обо всем догадался. Он улыбнулся – улыбка была на тридцать два зуба, правда, впечатление немного портил тот факт, что его голубые глаза вдруг выцвели, почти побелели – и, подавшись вперед всем телом, спросил:

– Вы, должно быть, Анна?

– Да, – ответила она. – А вы, должно быть, Марк?

– Присаживайтесь, – сказал он и указал ей на свободное место рядом с собой. Улыбка исчезла с лица, глаза вновь налились синевой. Марк ткнул ладонью в сторону плюгавого человечка. – Это Клайв, мой секретарь.

Узкоплечий Клайв изобразил на лице нечто напоминавшее добродушный оскал.

– Анна, – сказала она, быстро соображая, куда же ей лучше сесть – на диван или в свободное кресло напротив. Кресло – независимость, диван – покорность. Идеальным решением было бы что-то среднее, но кроме дивана и кресел имелся лишь столик с львиными лапами, немного похожий на крышку хрустального гроба – на него, конечно, тоже можно было бы присесть, продемонстрировав тем самым крайнюю степень эксцентричности, но Анна решила не торопиться с эффектными номерами и устроилась на диване. Тут же мысленно похвалила себя. Правильное решение. Так до Марка будет долетать аромат ее соблазнительного «Диора», а при желании он сможет дотронуться до ее руки.

– Шикарные волосы! – похвалил Марк и на секунду опять обесцветил глаза.

– Спасибо, – поблагодарила Анна.

В арсенале ее внешности наиболее могучим оружием были большая грудь и густые, цвета вороного крыла волосы с природной искрой. Когда Анна распускала пучок, волосы падали широким водопадом, закрывая всю спину и доставая до поясницы. Собираясь в «Эксельсиор», она решила не бить из двух орудий одновременно и одела бледно-лимонный брючный костюм из трикотажа, свободный верх которого в сочетании с закрытым лифом оставлял истинный размер груди под вопросом. Сейчас она поняла, что не ошиблась. Марк снова и снова скользил взглядом по жакету Анны, видимо недоумевая, куда подевалась большая грудь – на фотографиях из агентства была, а теперь пропала. «Пусть гадают, – решила она. – Грудь будет предъявлена только после того, как он продемонстрирует свои серьезные намерения».

На подиуме появился швейцар с чемоданом Анны. Марк сделал жест Клайву. Тот вскочил и, вложив что-то в ладонь швейцара, буркнул короткую фразу. Швейцар оставил чемодан и удалился.

«Какой-то облезлый крыс! – подумала Анна про секретаря. – Неужели нельзя было найти помощника посимпатичнее? Впрочем, хорошо, что он мужчина, не будет ревности и интриг».

– Мы с Клайвом только что обсуждали план моего отпуска, – произнес Марк и тут же поправился. – Точнее нашего с вами отпуска. Провести время в Лондоне вряд ли будет интересно, не так ли?

– Конечно, Марк. Полезно менять обстановку.

– Отлично, – кивнул Марк, обхватив ладонями колени. – Позвольте полюбопытствовать – вы свободно путешествуете по миру?

– У меня британский паспорт, – ответила Анна, про себя удивляясь, почему это Марк спрашивает о вещах, которые ему должны быть хорошо известны. Видимо, он так сильно увлекся фотографиями, что пропустил мимо ушей все, что ему говорили в агентстве.

– Отлично. В таком случае вот что мы имеем. Я давно хочу посетить Россию. На мой взгляд, это очень любопытная страна. Вы когда-нибудь там были?

Анна опешила. Такого поворота событий она никак не ожидала.

– Какие места в России вас интересуют, Марк? – спросила она, не выдавая своего волнения.

Марк ненадолго задумался и выдал поразительный по своей банальности ответ:

– Москва и Санкт-Петербург.

Анна едва сдержала напозвавшееся на лицо брезгливое выражение.

– Что я могу вам сказать по этому поводу? – начала она. – Я была и там и там. Санкт-Петербург – это плохая копия Рима, и россияне едут туда просто от безысходности. А Москва – огромная помойка и ничего больше. Что там делать англичанину? Не понимаю.

– Санкт-Петербург – красивый город. Я видел фотографии, – вставил неказистый Клайв.

– Как известно, его строили итальянские архитекторы, но жуткий климат тех мест не способствовал их старанию. Вот и представьте, что в итоге получилось, – решительно возразила Анна.

– Мне говорили о России другое, – ничуть не смутившись, сказал Марк. – Современные города, красивая архитектура, гостеприимные люди.

– Грязное метро, километровые пробки, коррумпированная милиция, хмурые лица без единой улыбки, – продолжила Анна. – Что касается Санкт-Петербурга, то красивая архитектура рассыпается так быстро, что реставраторы не успевают латать даже фасады. Центр города – это не достопримечательность, а реставрационная мастерская под открытым небом.

На этот раз на лице Марка отразилось нечто среднее между разочарованием и досадой.

«Не слишком ли сильно я обрушиваюсь на родное болото? – подумала Анна. – Если все пойдет как надо, то он рано или поздно узнает о моих российских корнях. Тогда придется оправдываться. Нет, все-таки не уступлю. Что угодно, но только не поездка в Россию! Таджикистан, Эфиопия, Папуа-Новая Гвинея – все что угодно, но только не Россия! Просто порази-

тельно, что за чушь в голове у этого павлина. Не хлебал еще дерьма, вот и тянет его на чумазую экзотику...»

В разговор снова вступил Клайв.

– Я советую Марку лететь в Китай. Пекин и Гонконг – интереснейшие места.

– Я был в Гонконге, ты же знаешь, – перебил его Марк. – Тот же Нью-Йорк, только втрое больше азиатов. И жутко тесно. Столько народу, что буквально нечем дышать. Сейчас многие повалили в Китай, но только что там делать? Не совсем понимаю.

– Пекин – древний город. Оттуда недалеко до Великой Китайской стены, – продолжал развивать китайскую тему Клайв.

Анна поняла, что пора проявлять инициативу.

– Марк, у вас отдых всегда связан с большими городами? Ведь люди чаще проводят отпуск в каком-нибудь тихом месте в Италии или во Франции. Там столько уютных красивых городков на побережье!

– Да, я фанат мегаполисов, – объяснил Марк. – Маленькие города наводят на меня тоску. Что поделать, но не один я такой. Все претензии к Рему и Ромулу.

– К кому? – не поняла Анна.

– К Рему и Ромулу. Это они основали Рим и тем самым посадили человечество на городскую цивилизацию.

Какое-то время разговор еще покрутился вокруг Пекина и Гонконга, а затем соскользнул на Токио, но так ни к чему и не привел. Анна задумалась. Ей казалось, что собеседники ведут странную, лишь одним им понятную игру. Вместо того чтобы выбрать Мальдивы и перейти к беседе о каких-нибудь незначительных пустяках, эти двое морочат ей голову, вращают воображаемый глобус и тыкают беспорядочно в круглые точки городов. Чего они добиваются? Разговор напомнил ей интервью, которое она проходила в Лондонском муниципалитете. Накануне Стивен втолковал ей, что интервью у работодателя – это не столько проверка знаний и опыта, сколько тест на эмоциональную устойчивость. Особенно злостные рекрутеры бросают в лицо соискателю незаслуженные упреки и даже оскорбления – и все с целью выбить человека из колеи. Это верно, что работодателю нужны профессионалы и трудоголики, но в наш нагруженный стрессом век превыше всего ценятся специалисты со стальными нервами. Анна усвоила этот урок и успешно прошла собеседование, несмотря на то, что одна из рекрутеров, тонкогубая дама со впалыми щеками, открыто высказалась, что Анне ничего не светит, впрочем, как и остальным свежеиспеченным выпускникам колледжей – их головы чересчур полны идеалистического тумана. Урок Стивена Анна дополнила стратегией собственного изобретения. Ее находка заключалась в том, что гнев и раздражение нужно превращать во внутренний диалог, внешне оставаясь спокойной и приветливой. В особенности стратегия помогала в общении с однополыми коллегами, когда было бессмысленно полагаться на женские чары. В муниципалитете, где Анна проработала около полугода, основную часть коллектива составляли женщины. Приходилось все время держать себя в руках.

Марк взглянул на часы и предложил пойти в ресторан. Они отправились вдвоем, Клайв остался в холле. Анна обрадовалась – присутствие невзрачного враждебного секретаря портило впечатление от встречи. Правда, и Марк тут же ее разочаровал. Когда он встал с дивана, то оказался тощегадым и коротконогим, что плохо вязалось с развитым торсом и лицом крупной лепки. В нем было что-то от льва Бонифация из детского мультфильма. Чтобы как-то оправдать этот недостаток, она вспомнила, что Наполеон тоже был маленького роста, и, как известно, это не помешало ему поставить на колени полмира.

«Наполеон», – убеждала себя Анна, входя вслед за Марком в зал ресторана «Венский вальс».

Картины в массивных рамах, бело-золотые стулья с красным бархатом на подлокотниках, ювелирный блеск сервировки удачно обрамляли образ Наполеона. Марк выдвинул стул для Анны и переступил ножками тридцать девятого размера.

«Бонифаций», – прозвучало у Анны в голове.

Усевшись, Марк красивым жестом пригладил волосы и строго посмотрел в меню.

«Наполеон», – повторила Анна и тоже открыла меню. Марк сдавленно чихнул.

«Бонифаций», – снова пронеслось у нее в мозгу. Она стала внутренне сопротивляться насмешливому голосу. В результате в голове началась какая-то дурацкая чехарда. Персонажи перепутались, и в воображении выскакивал то странный Наполифаций, то непонятный Бонефон. Она никак не смогла сосредоточиться на чтении меню.

«Бонефон... Наполифаций... Бонефон... Наполифаций...»

Появился Клайв. Оказывается, он задержался в холле лишь для того, чтобы распорядиться насчет багажа Анны. Его появление странным образом положило конец наполеоно-бонифацийской войне.

За ужином пили красное вино и разговаривали о мужском теннисе. На прошедшем Уимблдоне Энди Маррей доказал, что у местных болельщиков есть надежда. Возможно, не за горами тот день, когда британцы смогут гордиться не только лучшим в мире теннисным стадионом, но и спортивной звездой собственного производства. Анна мало интересовалась спортом. Она ограничилась похвалой в адрес Рафаэля Надаля, на что мужчины дружно зафыркали. Им не нравилось, как Надаль перед каждой подачей поправляет застрявшие между ягодичек плавки.

– Это рекламный трюк, – защищала теннисиста Анна. – Зрители любят непосредственность.

– Нет-нет, это отвратительно, – протестовал Марк.

Клайв неожиданно согласился с Анной.

– Маленькая слабость украшает большого чемпиона, – сказал он.

В разгар спора Анна пробежала взглядом винную карту и обнаружила, что Марк сделал очень скромный выбор. В списке были лафит и «Шато Марго», а он заказал недорогой «Шато Планьяк». Похоже, не стоит рассчитывать, что Марк прольет на нее бриллиантовый дождь. Отпуск обещает не наслаждение, а заботливое возделывание и своевременный полив, то есть опять рутину, опять терпеливое ожидание. Снова все то же! Тот же ненавистный для ее живой природы затяжной подъем, который месяц назад заставил ее послать ко всем чертям работу в Лондонском муниципалитете, вернуться в «Мисафер», а сегодня бросить Стивена. Но если Марк зануда, если он скуп, то неужели план провалился? Черта с два! Анна умна и предусмотрительна. На этот раз она хорошо подготовилась. На банковском счете лежат деньги, полученные ею от адвоката. Там не слишком большая сумма, но чтобы перекантоваться, пока в «Мисафер» подыскивают новую кандидатуру, ей хватит. Ей не нужен скряга, который экономит на каждой мелочи. Ей нужен транжира, толстосум – с бабками, с лоском, с Мальдивами! И пусть ему будет хоть девяносто лет, пусть у него будет двадцать пятый размер обуви, пусть он будет похож на Винни Пуха и на Гомера Симпсона вместе взятых – она из него вытряхнет все до последнего пенса! Ей терять нечего. К Стивену она не вернется и с Марком не пустит ничего на самотек! Игра началась. И если кто-то этого еще не понял, что ж, она внесет в дело ясность.

Анна взяла салфетку, промокнула уголки губ и, не дожидаясь, пока Клайв закончит фразу, сказала:

– Марк, нам нужно поговорить с глазу на глаз. Я буду в холле. Благодарю за ужин.

Уходя, она спиной чувствовала, как опешивший Марк смотрит ей вслед.

В холле первым делом Анна занялась идентификацией личности Марка. В «Мисафер» не принято сообщать фамилии клиентов – только имена и присвоенный агентством специальный статус – «бронзовый», «серебряный» и так далее. «Бронзовый» статус означал, что клиент обеспечивает девушке из агентства полный пансион в отеле не ниже трехзвездочного и выдает

ей деньги на карманные расходы. При этом клиент не имел права требовать сексуального удовлетворения чаще одного раза в сутки. «Серебряный» разрешал ролевые игры и два соития ежедневно. Отель полагался не ниже четырех звезд, а дневное содержание эскорт-услуги увеличивалось вдвое. У старины Оливера было «серебро», которое под воздействием алхимических способностей Анны быстро переплавилось в «золото», с круглой суммой за встречу и солидной ежемесячной премией. Конечно, Оливер экономил на отеле, но во-первых, это делалось в целях конспирации и с обоюдного согласия, а во-вторых, он не имел дозволявшейся «золотым» клиентам сексуальной свободы: плетки, наручники и анальный секс.

У Марка был наивысший, «платиновый» статус, и это походило на ошибку в базе данных агентства. «Платиновый» клиент, которому разрешалось все, вплоть до нанесения легких телесных повреждений, не будет пить «Шато Планьяк» за двадцать пять фунтов. Анна буквально кипела от негодования. Она, черт возьми, явилась на встречу не в застиранных джинсах, а в элегантном брючном костюме и туфельках, купленных в «Харродс»! Она пришла во всеоружии своей прямой восточнославянской красоты, и как можно так пошло на ней экономить, да еще в первую встречу?! Нет, необходимо срочно выяснить, кто такой Марк и чего он на самом деле стоит.

У стойки службы размещения она обратилась к молодому человеку в атласной жилетке:

– Добрый день, Джон. С моим багажом произошло недоразумение.

– Что случилось, мэм? – спросил приятный молодой человек, подаваясь вперед всем корпусом.

Ей нужно было выудить фамилию Марка и его номер в «Эксельсиоре». Задача была не из простых – штат отеля хранит информацию о жильцах в тайне. В этом отношении тут, как в «Мисафер». Вся надежда была на личное обаяние Анны и на возможный просчет со стороны молодого человека за стойкой.

– Вы видели меня с друзьями вон там, в диванной зоне?

– Да, мэм.

– Мы пошли в ресторан, а свой чемодан я оставила около дивана. Я была уверена, что с ним ничего не случится. Здесь ведь вещи не пропадают, не так ли? Не должны пропадать, как мне кажется. В таком-то уважаемом отеле!

Молодой человек улыбнулся, изобразив на лице смешанное чувство вежливости и заботы:

– Совершенно верно, мэм. У нас исключительный порядок.

Анна не торопилась. Вопрос в лоб не сработает.

– Я ни секунды не сомневалась в этом. Даже в тот момент, когда вышла из ресторана и не увидела чемодана, то сразу сказала себе: «Не беспокойся, все в порядке. Возможно, кто-то переставил чемодан, чтобы он не мешал другим гостям. Не забывай, где ты находишься, это “Эксельсиор”, а не какой-нибудь заштатный бед-энд-брекфаст».

Молодой человек хотел что-то сказать, но Анна продолжила с искусно разыгранным волнением:

– Знаете, случается, что вещи пропадают в дороге. У одного моего знакомого во время авиаперелета багаж отправили в неверном направлении. Он после пересадки в Нью-Йорке полетел в Буэнос-Айрес, а его багаж – в Торонто. Потом, разумеется, все нашли и вернули с извинениями, но, знаете ли, знакомому пришлось изрядно поволноваться. А вот я ничуть не волнуюсь, и как только обнаружила, что чемодана нет, решила подойти к вам. Безусловно, такой человек, как вы, все держит под контролем, словно капитан на корабле.

Молодой человек был уже не в состоянии молчать, но Анна на всякий случай еще поддала жару:

– В прошлом году в Мексике я чуть не лишилась половины своих вещей. Кругом было жуткое воровство! Если бы я оставила свой чемодан без присмотра, то через пару минут о нем можно было бы забыть.

Молодого человека за стойкой прорвало:

– Не беспокойтесь, все в порядке, мэм! Секретарь мистера Даймонта распорядился, чтобы ваш чемодан доставили в номер. Ваши вещи в полной безопасности!

О'кей, фамилия Марка – Даймонт. Не прошло и пяти минут, как с Наполифация была сорвана маска анонимности. Что ж, ловко сработано, похвалила себя Анна.

– Благодарю! – сказала она молодому человеку и коснулась его ладони. – Вы меня успокоили! Впрочем, я и не волновалась. Пожалуйста, напомните мне, в каком номере живет мистер Даймонт?

– В сорок втором. VIP-апартаменты.

Анна еще раз поблагодарила и направилась к диванному оазису. VIP-апартаменты. Видимо, на себе Марк отнюдь не экономит. И все-таки ведет он себя странно. Зачем все эти разговоры про Москву, Пекин? Анна не поедет с ним ни в Москву, ни в Пекин. Что за бред? В агентстве шла речь об отдыхе. Какой безумец отдыхает в Москве или Пекине?

Марк появился через минуту. Выбрасывая вперед резвые ножки, он пробежал через холл и остановился перед ее креслом. Постояв немного молча, плюхнулся на диван. Лицо его выражало недовольство. Анна заговорила тихо, заставив Марка всем телом податься вперед.

– Я бы хотела кое-что прояснить. Возможно, вы решили, что между нами сделка. Действительно, что может быть проще, одному удовольствия, другому деньги. Те, кто нас свел, именно так и считают. И такую картину рисуют своим клиентам. Это их бизнес. Но я здесь с другой целью.

Марк слушал внимательно. Недовольная гримаса не исчезала с его лица.

– Какова же эта цель? – спросил он холодно.

– Это я и намерена рассказать. Но сначала хочу попросить, чтобы вы пообещали мне сохранить все в тайне. Никому ни слова, в том числе и в агентстве. Ведь я их обманула. Хотя они мой единственный шанс на спасение. Обещаете молчать?

Лицо Марка немного смягчилось. Теперь по нему скользили две тени – недоверия и любопытства. Марк покачался из стороны в сторону и согласился.

– Тогда слушайте. Как вы, наверное, догадались, я не британка. В этой стране у меня нет ни родственников, ни друзей. Никого, кроме одного человека, которого я предпочла бы лучше не знать. В его власти я нахожусь уже без малого шесть лет. Это хитрый, жестокий и двуличный человек. Для окружающих он играет роль безобидного клерка, тихого домоседа, а на самом деле он извращенец и садист. И это мой муж. Он превратил меня в сексуальную рабыню и следит за каждым моим шагом. У меня нет ни денег, ни документов. Номер для разговоров с агентством пришлось завести втайне. Не буду рассказывать, что он проделывает со мной по ночам, такого вы не увидите ни на одной из тех видеозаписей, что продают из-под полы в Сохо. Я долго терпела и наконец решила бежать.

Марк сидел на диване, словно в полудреме. Он немного оживился на словах «сексуальная рабыня», но потом снова сник. Тема рабства, в том числе сексуального, видимо, казалась ему чем-то далеким, имеющим отношение к средневековью или к жизни первобытных племен. А когда вокруг Лондон, двадцать первый век... Он попытался представить себе ночную сцену в доме Анны и с некоторым сожалением отметил, что ничего, кроме тела, распятого на кровати в виде буквы «Х», ему не приходит в голову. Не слишком, казалось бы, перспективная для садистских ухищрений поза. Хотя кто их, извращенцев, разберет. О подпольной видеопродукции из Сохо Марк тоже не имел ни малейшего представления. В общем, в целом рассказ его не впечатлил. И Анна это заметила.

– Почему вы не обратитесь в полицию? – спросил он из вежливости. – Закон запрещает насилие.

Анна посмотрела ему в глаза.

– Я не имею права этого спрашивать, но... Марк, вы женаты?

– Нет.

– Вы когда-нибудь были в браке?

– Нет. В нашей семье мужчины женятся ближе к пятидесяти. Мне сорок два.

– Тогда вы, конечно, не знаете одной очень важной вещи. Возможно, вам об этом говорили, но тут важно не просто знать, а иметь опыт. Нужно хоть раз испытать это на себе. Женщина никогда не уйдет от мужчины с сильным характером. Какие бы непотребные вещи он ей ни навязывал. Женщины любят подчинение. Они обожают силу.

– Так вы не против того, что муж обращается с вами, как с рабыней?

– Не против. Конечно, иногда он чересчур увлекается, но в целом мне даже нравится.

– Тогда в чем дело? Почему вы решили бежать?

Анна сжала губы, глаза ее сверкнули. Теперь уже она всем телом подалась к Марку.

– Вы слышали о Паддингтонской расчлененке?

– Об убийстве молодой женщины в парке? Да, я читал об этом в «Индепендент». Это было около месяца назад, не так ли?

– Верно. А потом было другое убийство, еще более жестокое. В Риджент-парке, когда труп женщины с трудом опознали.

– Да, и об этом я тоже слышал.

– Полиция говорит, что в Лондоне появился новый Потрошитель. А я знаю, что этот самый Потрошитель – мой муж!

Марк подпрыгнул и отскочил на дальний конец дивана, словно из сиденья его чем-то укололи.

– Вы серьезно?

– Абсолютно серьезно, – подтвердила Анна. – В те ночи, когда были совершены убийства, он не ночевал дома. В первый раз он сказал, что остается у родителей. Они как раз улетели на Бали и просили присматривать за кошками. Муж позвонил около восьми вечера и сказал, что остается ночевать в Челси.

– Челси? Неплохой район.

– Там дом его родителей.

– Мой дядя живет в Челси. На Редберн-стрит, напротив церкви.

– Во второй раз он якобы отправился к своему школьному другу. Его друг Сидни расстался со своей девушкой и погрузился в депрессию. Муж поехал, чтобы успокоить его, они засиделись допоздна, выпили лишнего, ну и так далее. Муж позвонил мне в половине двенадцатого ночи.

– Что ж, выглядит вполне правдоподобно.

– За исключением того, что школьного друга Сидни почему-то не было на нашей свадьбе. И до той самой ночи я о нем ни разу не слышала. Как, впрочем, и позднее. Так что в обоих случаях я не могу проверить, правду ли говорит мой муж. Да это и не требуется, так как есть фотографии.

– Какие еще фотографии?

– С места убийства в Риджент-парке. Те самые, что показывали в телерепортажах и публиковали в газетах. Они в фотоаппарате моего мужа. Там у него целая фотохроника. На первых снимках женщина еще жива. Потом она истекает кровью. Затем идут снимки, похожие на те, что сделали фоторепортеры, где уже не разобрать, кто на фотографии.

– Какой ужас! Вы и в тот раз не позвонили в полицию?

– Не успела. Сначала я испугалась, а потом снимки исчезли. Мне нечего было предъявить полицейским. Но самое ужасное в другом. В фотоаппарате было еще кое-что.

– Боже мой, да что же еще там могло быть?

– Там были мои фотографии! Он фотографировал меня спящей! Вы понимаете, что это значит?

– Честно говоря, не совсем.

– Я буду его следующей жертвой. Он хочет меня убить! С некоторых пор я заметила, что муж ко мне охладел. Стегать меня плеткой ему больше не доставляет удовольствия. Он, видимо, желает порыться в моих внутренностях, распилить меня на части, засунуть меня в морозилку, а все, что не поместится, закопать на заднем дворе. Затем пойти в полицию и заявить о моем исчезновении. А после этого сесть в гостиной и слушать ненавистного мне Джо Кокера.

– Вам не нравится Джо Кокер?

– Не нравится! Но больше всего мне не нравится лежать в морозилке, распиленной на части.

– Да, перспектива, прямо скажем, не радужная. Но зачем ему это делать?

– Затем, что он маньяк! И даже не сексуальный, каким был раньше, а настоящий – чокнутый, с кривым ножом и дубинкой.

– Какой еще дубинкой?

– Той, которой он бьет по голове своих жертв.

– Вы и дубинку у него видели?

– Нет, не видела. Но если поискать получше, то, может быть, я бы ее и нашла. Меня интересовало другое. Я выяснила, где он прячет мой паспорт. Теперь я могу уехать, чтобы спрятаться от этого душегуба. Но у меня проблемы с деньгами и со смелостью. Вот почему обратилась в «Мисафер». Конечно, я не могла рассказать им всю правду, только поделилась кое-какими штуками из репертуара своего мужа. Надо сказать, они были под впечатлением. Пообещали большой интерес со стороны обеспеченных клиентов. Потом предложили встречу с вами. И вот я здесь, с паспортом, с чемоданом и с билетом в один конец.

– С каким еще билетом? – спросил Марк, возвращаясь на прежнее место на диване.

– Это я так, образно. Путь назад для меня отрезан, мосты сожжены.

– А-а-а, понимаю, – немного рассеянно откликнулся Марк. – Образности вам, безусловно, не занимать.

– Вы мне не верите?

– Вопрос в другом. Почему вы верите мне больше, чем агентству? Мы впервые видим друг друга.

– Вы – человек. Они – организация. Маленькая, но такая же равнодушная к отдельным людям, как все фирмы, фирмочки и фирмищи.

– Может, лучше все-таки обратиться в полицию?

– Нет. Думаю, рано или поздно они его поймают. И я не хочу быть в это замешана. Пусть в деле упоминается жена, которая по собственной прихоти однажды покинула мужа, а не обманутая, несчастная, прожившая бок о бок с садистом-убийцей женщина, чью фотографию напечатывают во всех газетах рядом с его криминальной рожей. И не просто напечатывают, а еще и придут брать интервью!

– В этом есть здравый смысл. Хотя ситуация в целом выглядит крайне нездоровой.

Анна выпрямилась в кресле, сжала подлокотники, глаза ее блеснули, и она выпалила:

– Спасите меня, Марк! Спрячьте меня в надежном месте, где-нибудь на Майорке, на Гавайях, где этот изверг не сможет меня найти. Там, под пальмами у лазурного моря, я забуду весь этот лондонский кошмар. Умоляю, Марк!

– Понимаю ваше волнение, Анна. Вы в непростой ситуации. Но мне тоже надо подумать. Честно признаться, у меня нет дел ни на Майорке, ни на Гавайях. Это туристические места, они меня мало интересуют. Особенно сейчас.

– Такое впечатление, что вы никогда не отдыхаете.

– Отчего же? Отдыхаю. Я часто бываю в родовом поместье в Северном Йоркшире.

– Тогда давайте вместе уедем! Только не в Йоркшир, тем более что он Северный... Спрячемся в Париже, в Неаполе, в Риме. Но только не в Британии! У моего мужа зверское чутье, он найдет меня хоть в Йоркшире, хоть в Девоншире. Я не смогу сидеть взаперти в каменной башне с узким окном. Мне необходим свежий воздух и солнце, я хочу ходить по магазинам. Я социальный элемент!

– Главное для вас – покинуть Британию. Я правильно понял?

Анна сожалела, что Марк сидит в некотором отдалении от нее. Сейчас было бы как нельзя кстати взять его за руку, погладить его колено. Ее устные призывы действовали на него недостаточно сильно. Анна мысленно обругала Марка бледной поганкой, но более всего она была недовольна сама собой. Что-то не клеилось в ее игре. К тому же разговор, как назло, вновь вернулся к тому, с чего и начался.

– Есть еще одно место, куда я не могу поехать, – сказала она.

– Какое?

– Как вы думаете?

– Никак не думаю, – пожал плечами Марк.

– Помните, что я говорила о себе? Я иммигрантка.

– Ну, да. Тем более вас выдает акцент. Кажется, что-то знакомое. Может быть, Польша или что-нибудь вроде этого?

– Россия.

– Ах, да. Какое совпадение... Но послушайте, Россия – огромное государство! Найти там человека – это все равно, что отыскать пуговицу на поле для гольфа.

– Неправда, Россия – маленькая страна. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга там ничего нет. Все остальное – леса, поля и крохотные провинциальные городишки, где по кривым улицам бродят бездомные собаки с крысиными головами в зубах, а полуспившиеся жители не моются и занимают друг у друга на водку. Нормальному человеку там негде спрятаться. Он повсюду будет, как прыщ на носу.

– Странно, мне рассказывали о России другое. Правда, в основном речь шла о бизнесе. Там, говорят, жуткое засилье бюрократии. Лучше всех живут чиновники, а предпринимателей, которые отказываются им платить, сажают за решетку. Но про собак с крысиными головами я слышу впервые. Справедливости ради надо сказать, что некоторые из моих знакомых довольно успешно работают в России.

– Не связывайтесь, Марк! Это гиблое место! Если вы все-таки решите туда отправиться, я ни за что с вами не поеду. Мне придется искать другого спасителя. Но поверьте, и вас там в конечном итоге ждет сильное разочарование.

– Да уж, собаками вы меня удивили. Ну ладно, у нас еще есть время подумать. Может, стоит прислушаться к доводам Клайва и поехать в Китай? Надеюсь, там вы будете чувствовать себя в безопасности?

– В Китае?... Среди этих... как их... китайцев?... Но они же там все говорят на китайском языке! Как же там жить?

– Знаете что, Анна, – сказал Марк, посмотрев на часы. – Я заказал в номер шампанское и десерт. Давайте поднимемся ко мне.

Он встал, но Анна не шелохнулась.

– Я сейчас вас покину, Марк, – твердо произнесла она. – Обдумайте наш разговор и сообщите мне о вашем решении до двенадцати часов завтрашнего дня. Это достаточный срок

для того, чтобы решить, способны ли вы взять на себя роль моего защитника. Я буду в отеле «Карма» на Грейт-Питер-стрит. Если вы не появитесь, я не обижусь. Некоторые проблемы не каждому по плечу. Да, и пришлите, пожалуйста, в «Карму» мой чемодан. Ваш шустрый секретарь куда-то его утащил. До свидания!

Анна поднялась и той же триумфальной походкой, какой входила в «Эксельсиор», направилась к выходу. Лиловая «обезьянка», сгучавшая возле стойки приема, бросилась к дверям, жестами показывая своему коллеге у входных дверей, лиловому «медведю», чтобы тот выпустил очаровательную гостью из пятизвездочного дворца на волю.

«Такси», – на ходу бросила Анна. «Обезьянка» прошмыгнула на улицу и замерла у распахнутой дверцы кэба на обочине. Когда такси отъехало от отеля, она, не получив чаевых, снова юркнула в свой дворец и поискала взглядом кудрявого господина, с которым только что беседовала уехавшая особа. Но в холле на диване уже никого не было.

Сидя в такси, Анна смотрела по сторонам. Она с интересом отметила, что впервые видит центр Лондона из автомобиля. Странное дело, так успеваешь заметить гораздо больше, чем при пешей прогулке. Вот иллюминированная афиша театра – дают стэндап-комедию, а вон величественное здание из серого камня. За зданием памятник какому-то деятелю на коне. Увидеть, что творится в знаменитом тупичке на Даунинг-стрит, не получилось – вид заслонил двухэтажный автобус «City Tours». На верхней площадке автобуса – горстка туристов с восторженными лицами. Анна перевела взгляд на свои ладони, переплела пальцы и неожиданно расхохоталась.

Она хохотала весь остаток пути по Вайтхолл и не могла остановиться даже тогда, когда такси выехало на Эмент-стрит и встало на светофоре перед площадью Парламента. Смеялась она так заразительно, что водитель несколько раз крикнул от удовольствия, а пожилая леди на заднем сиденье «Роллс-Ройса» слева от кэба одобрительно кивнула седой головой. Только когда свернули на Маршал-стрит, Анна понемногу успокоилась. Выйдя из кэба, она достала из сумочки пудреницу с зеркальцем, убедилась, что макияж в порядке, и аккуратно промокнула уголки глаз бумажной салфеткой. Щелкнула крышечкой пудреницы и расплатилась с таксистом.

Со времени ее встреч с Оливером в «Карме» ничего не изменилось. Администратор был новый, только и всего. Вместо прежнего медлительного индуса со скорбным лицом гостей теперь встречал молодой энергичный пакистанец. Он беспрестанно крутил в своих шустрых пальцах то авторучку, то ключи, то медный медальон. Анна заплатила за сутки и осталась внизу, в полутемном холле с красной драпировкой на стенах. Она ждала, когда освободится компьютер, занятый двумя бэкпекерами, чьи огромные рюкзаки лежали тут же на полу. Бэкпекеры потряхивали длинными прядями соломенных волос и что-то обсуждали на незнакомом языке.

Администратор-пакистанец принес Анне чай в грубо раскрашенной пиале. Выражая почтение, коснулся пальцами лба, груди и, пятясь, удалился. От напитка шел смешанный запах топленого молока и сельдерея. Анна посмотрела на грязно-коричневый настой в пиале и не стала пить. Бэкпекеры ушли, Анна пересела к столу.

Набрав в поисковике «Марк Даймонт», она просмотрела наугад несколько страниц и поняла, что никого похожего на нужного ей Марка тут нет. Попробовала поиск по ключевым словам «Марк Даймонт бизнесмен». Получилось еще хуже. Высветились страницы компаний и бизнес-услуг, появились люди с похожими фамилиями. Марка, с которым она встретилась в «Эксельсиоре», не было. Она пошарила в социальных сетях и тоже ничего не обнаружила. Через полчаса бесплодных поисков пришлось признать, что Марк остается задачей со многими неизвестными. «Платиновый» статус не вяжется с «Шато Планьяк», VIP-апартаменты плохо сочетаются с непрезентабельным секретаришкой, готовность лететь хоть в Москву, хоть в Пекин перешибается непозволительной для крупного дельца флегматичностью.

Как бы там ни было, винить себя Анне не в чем. Она сыграла свою роль, и теперь ей оставалось только ждать. «Переперчила, все же сильно переперчила, – говорил Анне внутренний голос. – Не стоило приплетать историю с Потрошителем. А уж про фотографии – это ты совсем зря». Но другой внутренний голосок веселился: «А как забавно вытянулось у Наполефона лицо, когда он услышал про мужа-извращенца! Да-да, Наполефон! Наполефон Бонифатьевич! Ха-ха-ха! Тебе бы стоило добавить пикантные подробности, про плетку, про кожаные трусы, про анальный стимулятор! Да так все расписать, чтобы Наполифаций блеванул прямо на диване. Или кончил. Вот была бы умора! Почему ты не показала ему синяк, тот самый от удара об угол стола в гостиной? Вот они, следы насилия мужа! Ха-ха-ха!»

Снова вступил серьезный голос: «А вдруг он донесет в полицию? Он, может быть, уже звонит в Скотланд-Ярд. Ох уж эта мне законопослушная публика... Трус на трусе». Озорной голосок перебил: «И трусами погоняет!»

Через час приехал Клайв. Анна вышла из душа, одетая в выцветший гостиничный халат с тюрбаном из полотенца на голове. Пропустив секретаря в номер, она снова отметила, какой он нескладный и жалкий – с перекошенными плечами, на которых даже дорогой пиджак смотрится, как на огородном пугале. Клайв молча вкатил в номер ее чемодан и положил на стол почтовый конверт с логотипом «Эксельсиора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.